

A detailed oil painting of a young girl with short brown hair, seen from behind, walking away on a narrow dirt path. She is wearing a bright red sleeveless dress over a light blue short-sleeved shirt. The path is flanked by dense, vibrant autumn foliage in shades of yellow, orange, and red. In the background, a calm blue lake reflects the sky and the surrounding forest. Beyond the lake, a range of mountains with patches of snow is visible under a soft, hazy sky. The overall mood is peaceful and nostalgic.

МОЯ ПРЕКРАСНАЯ ЖИЗНЬ

ОЛЬГА ЛЕВОНОВИЧ

Ольга Леонович

Моя прекрасная жизнь

<https://litres.ru/73940176>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автобиографическая книга о близких, о родственных связях, непростом пути творческой женщины, о преодолении тяжёлого недуга и жизненных трудностей. Яркие воспоминания детства и других периодов жизни.

Содержание

Три ветви	4
Шумихины	6
Храповы	17
Сатюковы	56
Раннее детство	79
Алыгджер	96
Жимбира	133
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Моя прекрасная жизнь

Три ветви

Когда задумала написать свою автобиографию, поняла, что слова «Я родилась 16 августа 1963 года в селе Горки Шурышкарского района Тюменской области, в семье сельских учителей» говорит о многом, и в то же время ни о чём. Почему именно в этом селе, и какими были родители? Скажут, да кому это интересно? Думаю, что интересно, если правдиво.

Зачем я взялась за сей труд? Кто же, если не я, напишет о нашей семье? Потом, захотелось максимально назвать имена предков, чтобы мои родные могли знать, за кого молиться. Ну и, главное, хочется заглянуть в себя саму. Проверить, на что отзывается душа, а на что — никак.

Наше дело — не судить. Наше дело — любить. Попробуй, душа, взглянуть очами любви на прошлое своего рода.

В документально-художественной книге «Родные люди» я рассказала о трёх ветках нашего рода. В ней биографии, докладные записки, справки, допросы, прочие документы.

В этой книге решила повторить рассказ о родных, не официально, а в виде свободного рассказа. Итак, на сегодняшний день есть некоторые сведения о предках со стороны папы и мамы.

Родственники со стороны папы по линии бабушки — это

барнаульские купцы-старообрядцы Шумихины. По линии деда, папиного отца, это Храповы, барнаульские лесничие и священники. Со стороны мамы — вятские крестьяне Сатюковы.

Шумихины

Строгие люди

Вглядимся в облик этих людей. Купеческий, старообрядческий род. Строгие, умные лица, нарядная, но закрытая одежда. Давайте почитаем имена.



Стоят: Волкова Александра Васильевна; Тимофеев Вла-
сий Яковлевич; Волкова Клавдия Иосифовна; Шумихин

Иван Степанович (мой прадед): Волкова Харитина Иосифовна, жена Шумихина (моя прабабушка).

Сидят: Волков Исидор Иосифович; Волков Стахей Киприянович; Волкова Матрена Афанасьевна; Волков Киприан Афанасьевич; Волкова Степанида Ларионовна; Волкова Агриппина Евстигнеевна (моя прапрабабушка). Фотография 1903-1905 годов.

Суровые люди, которые вынесли немало испытаний, но остались твёрдыми в вере, сохранили чувство собственного достоинства. Всё это помогло выжить им и их предкам в буквально нечеловеческих условиях. Бабушка моя, Шумихина Елена Ивановна, живя на Севере в годы войны, не сделала ни одного аборта, родила всех детей, которых Бог послал. Среди них — мой отец. Род не прервался и, дай Бог, будет жить и дальше.



На фото: Волкова Агриппина Евстигнеевна (моя прапрабабушка).

Прапрадед-старовер

Шумихин Стефан (Степан) Никифорович, прапрадед мой, мещанин и старообрядческий священник, переселился в Барнаул в 1872 году из села Порезовского Порезовской волости Глазовского уезда Вятской губернии.

Проживал он в Барнаульском округе, Белоярской области, в деревне Полковниковой. В вопросах веры примыкал к старообрядцам белокриницкого направления. В те годы государство преследовало старообрядцев, как раскольников, судило их.

Было государственное расследование по поводу совершенного Стефаном Никифоровичем браковенчания раскольника с православной. Дело тянулось долго. На требование властей о высылке обвиняемого из Полковниковой для допроса в город Барнаул, крестьяне этой деревни не раз отвечали: «Шумихина дома нет, и где находится — неизвестно». Но когда Стефан Никифорович был всё-таки отыскан и наконец допрошен, он наотрез отказался от всякой сопричастности в этому делу.

Как пишет И.В. Куприянова, кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного института культу-

ры, в начале 1900-х годов, «у барнаульских белокрыничан имелось две моленных, устроенных в домах священников: неокружника Стефана Шумихина и окружника Антония Пучкина. Со временем Стефан Шумихин постепенно отошёл от священнодействий и стал чуждаться своей паствы, его моленная пришла в упадок и была обращена им в жилую комнату с кроватями, хотя следы культового помещения, библиотека и два десятка старых икон на стене, сохранились в течение долгого времени».

Надо сказать, что старообрядцы столетиями, сохраняя свой уклад, выстраивали незримые границы, делили мир на своих и чужих. Иначе было не выжить.

Староверы известны своей принципиальностью, честным ведением дел (многие купцы-старообрядцы составляли элиту дореволюционной России) и крепкими семейными устоями.

Купец

Сын Стефана Никифоровича, **Иван Степанович Шумихин**, мой прадед, родился седьмого января 1870 г. в Вятской губернии. Оттуда в два года был привезён в Барнаул. Как и отец, стал крестьянином в 1890 году. Семья занималась разведением скота, хлебопашеством. Имелось хозяйство: четыре лошади, четыре дойных коровы, какое-то количество овец. Были посевы, по пятнадцать десятин, уборку

проводили взаимнообразно с другими крестьянами, то есть в долг, с возвратом, с отдачей. Имели молотилку. На этой машине работал по людям сам Стефан Никифорович, молотил зерно за плату. Батраков Шумихины не держали, трудились сами.

Иван Степанович до двадцати лет проживал с отцом. После отделился, стал жить в сельской местности самостоятельно. Из хозяйства ему достались одна лошадь и одна корова, более отец ничего не оставил.

Со временем Иван Степанович перебрался на жительство в Барнаул, где сначала работал два года возчиком, по частным наймам. Потом пять лет служил продавцом у частного торговца Серова, после этого сам десять лет торговал в Бакалейной лавочной. В интернете есть информация том, что Шумихин Иван Степанович был купцом, торговавшим по свидетельству 2-й гильдии галантерейными и разными мелочными товарами (1898).

Кроме того, Иван Степанович был активным членом Барнаульской старообрядческой общины. Его избрали в церковный Совет общины, он жертвовал сотни рублей на строительство Старообрядческой Крестовоздвиженской церкви в Барнауле.

Служил Иван Степанович в страховом обществе, работал в управе, был служащим Продкомиссии по покупке скота. Занимался посевом хлеба. Сеяли на городских землях, по одной десятине, уборку производили сами. Служил сторо-

жем в «Уралмеде».

В конце 1923 года, уже в возрасте 53 лет, Иван Степанович, физически чувствуя себя себя ослабленным, стал искать промысел с облегчённым трудом.

Тогда он вместе с компаньонами занялся свечным производством. Воск закупался в Барнауле. В Артели он проработал шесть лет. Восковые свечи производились самими артельщиками, без применения наёмной силы, без механических двигателей, самым простым ручным способом. Книжки, в которых был учёт доходов, сдавались в финотдел.

В обращении во Всероссийский Центральный исполнительный комитет по поводу лишения избирательного права в 1931 году, Иван Степанович, которому был 61 год, писал, что здоровье его отягощено органическим пороком сердца и атеросклерозом в такой степени, что кроме лёгкого труда никакой другой ему не доступен.

После ликвидации свечного производства Иван Степанович плотничал в городе Барнауле, трудился на хозкомбинате, на резке дров, вплоть до 1933года.

Необыкновенно трудолюбивый, Иван Степанович брался за любую работу, чтобы прокормить огромную семью. Он и его помощники перегоняли табуны скота для продажи, заготавливали много овощей, торговали мёдом.

Когда пришла революция, мыла не хватало. Чтобы его варить, несколько человек собрались в группу. В тесто для мыла добавляли сало, соду. Потом делали колобки, высушива-

Домовладелец без дома

Иван Степанович всю жизнь строил огромный двухэтажный дом, чтобы жить самим, и сдавать часть комнат.

В мае 1917 года в Барнауле был сильнейший пожар, сгорело много домов. Его дочь Елена, бабушка моя, вспоминала, как запрягли лошадь в телегу, посадили всех детей, увезли за город, в деревню, где обитала родня отца. Жили там достаточно долго.

Вернулись – дом не сгорел, отстояли. Укрывали стены, двери, накладывали мокрые домотканые ковры. Краска на доме облупилась, пошла пузырями, образовались подпалины.

После пожара тем, у кого сгорели дома, дали от государства большие ссуды, а тем, у кого дома уцелели, не дали ничего. И в семье очень жалели, что не получили ссуды, говорили: «лучше бы дом сгорел!».

После революции в доме Шумихиных жил комиссар и прочие красноармейцы, которые скандалили и дрались друг с другом. У семьи был позолочённый-посеребрённый сервиз, ложки-вилки, всё пришлось сдать государству. Практически семью, как и прочих зажиточных людей, которые трудились не покладая рук, нагло, по-бандитски ограбили. Предложили Ивану Степановичу: напиши расписку, что от-

казываешься от дома. Так домовладелец стал дворником.

То есть имущества на февраль 1933 никакого не имел. Ютился с семьёй на квартире, вернее во флигеле, во дворе бывшего дома. Семья бедствовала.

Большая семья

А семья Ивана Степановича была большой. Женился он на Харитине Иосифовне Волковой (род. 05.10.1876 г.), дочери купца и старообрядца Иосифа Афанасьевича Волкова.

Харитина Иосифовна была домохозяйкой. Управляла домом. Детей было много. Мария, Александра, Елена (бабушка моя, р. 18.06.1905 г., по другим сведениям 26.06.1905; умерла 12.12.1987 г.), Виталий, Анна, Антонина, Анфиса.

По словам родственников, две сестры умели в подростковом возрасте, одну из них звали Физой (Анфисой). Был брат, Виктор (скорее всего он в списке под именем Виталий). Виктор ездил с отцом на Алтай, купали там скот, перегоняли в город Барнаул. Однажды Виктор провалился под лёд, заболел, умер.

Бабушка моя, Елена Ивановна, в двенадцать лет переболела тифом. Выжила, но на спине остались глубокие ямы, величиной с кулак, от пролежней.

Девочки в семье Шумихиных были рукодельницами, мастерицами, прекрасно вышивали яркими нитками мулине шторы, наволочки, бельё, умели вязать тончайшие кружева.

Готовили себе приданое. О предприимчивости и бережливости купеческих родов немало сохранилось рассказов. Как поведала тётя моя, Августа Павловна Храпова, внучка Шумихина Ивана Степановича: «У мамы было две двоюродных сестры, Волковы. Девушки хорошие, стремились учиться. Поехали в Томск, учились в мединституте. Бедность, революция приучали к бережливости. Купят новые чулки, и, новые, чинят, пришивают подошвы, чтобы долго не изнашивались. Одна обшила часы на цепочке. Получилось в виде мешочка с окошечком, где был циферблат».

По рассказам Августы Павловны, был у Шумихиных в Барнауле очень хороший погреб. Однаждыросло много свежих огурцов, а в погребе стояла бочка солёных, отличных, с укропом, приправами, хрустящих, аппетитных. В погребе овощи не перемерзали, хорошо хранились. И Елена Ивановна предложила: давайте я буду продавать на базаре огурцы. Набирала миску солёных огурцов, уходила на рынок. Люди охотно покупали. Однажды она встретила на рынке свою будущую свекровь Августу Васильевну Храпову (Красносельскую). Это была нарядная элегантная дама, в кружевной накидке. Она сказала, что очень хорошие огурцы!

Елена Ивановна до революции училась в приходской школе. Потом в гимназии. После революции окончила учительские курсы. В то время была борьба с неграмотностью. Елена Ивановна была не только грамотной, она в совершенстве знала немецкий язык, почерк был хороший. После окончания

курсов её направили в Новосибирск, для работы с подростками. Работала в школе учителем. Ездила по деревням, организовывала ликбез, учила грамоте. Рассказывала мне, что уставала страшно, засыпала над проверкою тетрадок. Характер у неё был мягкий, поэтому дисциплину в классе держала с трудом.

Примерно в 1929 году она познакомилась с Павлом Михайловичем Храповым, землемером. Он был хорош, прискакал на коне, красовался. И ему приглянулась тоненькая серьёзная девушка. Был ему в ту пору всего двадцать один год, ей – двадцать четыре.

Храповы

Семейные легенды

Павел Михайлович Храпов, дедушка мой, был из очень интересного рода. По семейным легендам, прадеды были дворяне Храповицкие. Всё может быть, но доказательств пока нет. Родственники говорили, что один из Храповицких был сослан на Кавказ, Екатериной II и разжалован. Фамилию укоротили. Рассказывали, что Николай II, путешествуя по Сибири, останавливался в Новосибирске. Михаил Ксенофонтович Храпов, прадед, поздоровался, мол, за руку с царём. Царь пригласил его в свою свиту, а позднее наградил именной то ли шпагой, то ли шашкой. Да, в 1896 году, во время своего путешествия в Японию, Николай II проезжал через город Ново-Николаевск, который позже стал называться Новосибирском. Это был первый визит государя в этот город. Но в то время прадеду было всего 11 лет. Так что вряд ли была шашка, но известно, что Михаил Ксенофонтович был позже награждён, указом Императора, памятным знаком землемера.

Трудное детство

Михаил Ксенофонтович Храпов, мой прадед, родился 3 ноября 1885 года в селе Усть-Ламинское Ишимского района Тобольской губернии (позднее – Омской области). Его отец — **Ксенофонт Васильевич Храпов**, из мещан, служащий почтово-телеграфного отделения.

Первою женою Ксенофонта Васильевича была **Храпова (Красинельская) Ольга Фёдоровна**, домохозяйка, дочь священника.

Сын Ксенофонта Васильевича и Ольги Фёдоровны **Павел Ксенофонтович Храпов** в своей автобиографии пишет, что родился он в Омске 13 июня 1883 года. Его отец служил в почтовом ведомстве в должности помощника делопроизводителя Управления Омского почтово-телеграфного отделения.



На фото Ксенофонт Васильевич и Ольга Фёдоровна Храповы, с сыном Павлом на руках.

Из рассказов матери, он был уже четвёртым ребёнком, но старшие дети умерли от скарлатины почти в один день, когда ему было два года. Эта беда сильно потрясла родителей, подорвала их здоровье, особенно матери.

После Павла родилось ещё два брата, Михаил (это прадед мой, род. 03.11.1885,) и Василий (род. в 1887 году).

Наиболее памятными случаями из раннего детства Павла осталось пребывание в Усть-Ламенском и городе Ишиме Тобольской губернии, где отец занимал должность надсмотрщика телеграфа.

Когда Павлику исполнилось шесть лет, отца перевели на службу город Омск. В год приезда из Ишима в Омск, а было это в 1890 году, мать, Ольга Фёдоровна, заболела и умерла. Павлу в то время шёл седьмой год, Михаилу было пять, Василию два года.

Смерть жены сильно повлияла на Ксенофонта Васильевича, он начал пить водку. Месяца через два после смерти Ольги Фёдоровны он женился второй раз. Мачеха не заменила детям матери, напротив, своим жестоким обращением сразу же восстановила их против себя. Отец ещё больше начал пить, дело дошло до запоев и белой горячки. Частые ссоры между отцом и мачехой, доходящие до побоев, наносимых отцом мачехе, делали жизнь детей тяжёлой, они росли запу-

ганными, забитыми детьми.

Обстановку в семье не улучшило то обстоятельство, что вторая жена родила сына Александра (род. 26. 07. 1891 г.).

Отец получал небольшое жалование, 35 рублей в месяц, а жизнь в Омске была недешевая, да и большая часть жалования шла на водку, поэтому семья жила очень бедно. Квартиру снимали на окраине города, одежды было, что называется, «одна рубаха-перемываха».

Учёба

Павел на девятом году был отдан в приходскую школу, у него было лишь подстеженное пальтишко, в котором в зимние холодные ветра прохватывало насквозь. Учился он плохо. Объяснялось это, конечно, той забитостью, которую он испытывал дома, да и в школе было не лучше. Учителя драли учеников за уши, били линейками по голове, оставляли без обеда. Всё это, конечно, отбивало всякую охоту учиться. Учебников у него было мало, приходилось бегать к товарищам, чтобы прочесть задание. Дома часто не было керосина и приходилось утром идти в школу совершенно неподготовленному.

В 1894 году отец перевёлся из Омска на службу в город Мариинск Томской губернии, надсмотрщиком Мариинской почтово-телеграфной станции. Условия жизни не изменились, отец продолжал пить и в пьяном виде бил и разгонял

семью.

Павла определили в городское училище в 3 отделение, но пробыл там лишь до января 1895 года. Отца уволили со службы, мачеха с ребёнком от него ушла, и ребяташки разбегались по чужим людям.

Павел попал в Томск к своему крёстному Владимиру Ивановичу Нагибину, служащим помощником делопроизводителя в Управлении Томского почтово-телеграфного округа. Крестный жил вдвоём с женой, и Павел сначала думал, что ему здесь будет лучше, чем дома.

Но оказалось, что Нагибин был очень жестоким человеком, часто ссорился со своей женой, дрался, и у мальчика осталось впечатление, что своих охотничьих собак он ценил дороже, нежели Павла. Жил мальчик у крёстного из милости, а, главное, для того, чтобы тот мог показать знакомым свою благотворительность, оказываемую приёмному ребёнку.

Об образовании Павла никто не заботился. Одна учительница хотела помочь и отдать в гимназию, но здесь потребовались средства, а взять их было неоткуда. Мальчик остался за бортом. Кое-как сам, хотя ему и было одиннадцать лет, он поступил во Второклассную приходскую школу. В этой школе Павел стал учиться хорошо, и в 1897 году окончил её одним из лучших. Школа по своей программе давала очень мало, дети не проходили даже десятичных дробей, но всё же после окончания можно было поступить учителем школы гра-

моты. Павел воспользовался возможностью уехать от крёстного, дальнейшая жизнь у которого была неважгота.

Молоденький учитель

С сентября 1897 года Павел, четырнадцатилетний мальчик, был уже учителем в деревне Колмогоровой Тутальской волости. В этой деревне он прожил до призыва на военную службу (1904 год).

Ксенофонт Васильевич умер в 1898 году. В ту пору его детям было – Василию – 9 лет; Михаилу – 11 лет; Павлу – 13-14 лет.

Павел, учительствуя в деревне, жил в доме крестьянина, помогал ему по хозяйству, основательно изучив крестьянское дело. Так как учителям платили буквально копейки, Павлу приходилось экономить на всём. Летом 1901 года он поступил на работу к одному крестьянину, который занимался выжигом извести.

Недалеко были известковые каменоломни, и некоторые из крестьян занимались ломкой известняка, выжигом извести и сплавом её портами в город Томск. Работа была тяжёлая. Причаливали плоты в Томске, перетаскивали на себе канаты, выгружали известь с плотов и погружали её в пакгаузы. Распылившаяся известь лезла в глаза, изъедала тело, но работать было надо, так как всё же платили от 25 до 35 рублей в месяц при готовой квартире. Вечерами и в празднич-

ные дни, когда прекращались работы по погрузке, Павел вёл конторские записи. Такая неприглядная работа в летние месяцы дала ему возможность заработать к солдатчине до 300 руб. Вина он не пил, табака не курил и вообще излишних расходов у него не было.

Служба в Лесничестве



На фото: Храпов Михаил Ксенофонович, 1906 год.

У кого жили все эти годы Михаил и Василий, неизвестно. В своей автобиографии Михаил писал, что учился в городском двухклассном училище, окончил шесть отделений, то есть полный курс отделения в 1901 году.

Он вынужден был поступить на службу сначала писцом к податному инспектору, затем к начальнику Депо железнодорожной станции Мариинск. В 1902 году выдержал экзамен для поступления на казённый счёт в Ботогольскую лесную школу, которую и окончил первым учеником с наградой в 1904 году, и оставлен при Ботогольском Лесничестве на службе для заведывания лесными заготовками для нужд железной дороги.

Трудились Михаил и топографом, и помощником лесничего, заведовал Земельным отделом в Барнауле.

Военная служба Павла

Павел в 1904 году был призван на военную службу, был зачислен в Управление Тюменского уездного воинского полка писарским учеником. Работы канцелярской было очень много, в особенности во время демобилизации запасных, возвращающихся после японской войны.

Трудились писари по восемнадцать часов в сутки. В свободное время пили водку и играли в карты. Павел сторонил-

ся этого, он много читал, добирал недополученные знания по всем сферам жизни. Военная служба хотя и вырвала четыре лучших года его жизни, но всё же она и дала ему толчок к дальнейшему саморазвитию.

После он работал в конторе службы Движения Сибирской железной дороги. В 1909 году он переехал в Барнаул к младшему брату Михаилу, который в это время служил топографом в Алтайском землеустройстве. При помощи брата Павел стал готовиться к поступлению в Боготольскую лесную школу.



На фото: Павел Ксенофонтович Храпов, 1905 год.

Выдержав экзамен он, имея небольшой запас денег, и благодаря денежной помощи брата Михаила, учился за свой счёт. По окончании обучения был принят помощником лесничего в Касмалинское лесничество Алтайского округа.

В мобилизацию 1914 года Павел был призван на военную службу и отправлен в Иркутск, где и зачислен в 12 Сибирский запасной строительный батальон. Служил в Иркутске, Томске, Двинске, а с первого января 1916 года он уже был на позиции в 300 шагах от германских окопов, в должности младшего офицера 7-й роты Стрелкового полка Офицерской стрелковой школы. В начале февраля 1916 года его полк перебросили в Финляндию, на остров Оланд, район Або-Оландской шхерной укрепленной позиции. Здесь были размещены боевые батареи, и полк находился для прикрытия артиллерии, нёс сторожевую службу и производил работы по устройству окопов.

В конце 1917 года подпоручик Павел Ксенофонтович Храпов выбыл в недельный отпуск в город Барнаул. Вернуться на Остров из Барнаула он уже не смог, был уволен в запас. Поступил счетоводом в контору лесопильного завода 1 в Барнауле.

Семейная жизнь Михаила

Михаил к тому времени уже был женат на Августе Васильевне Красносельской (родилась в 1885 году).



На снимке: Михаил Ксенофонтович и Августа Васильевна, 1908 год.

Это была ветка православная, изобилующая людьми ду-

ховного звания. Её отец, Красносельский Василий Фёдорович, был диаконом, служил в Мариинске, в Никольском соборе, что был разобран перед войной, и в кладбищенской церкви. Умер в 1893 году. Мать Августы Васильевны, Красносельская (Спасская) Александра Киприяновна, домохозяйка, умерла в 1909 году.

Августа Васильевна была из многодетной семьи. У неё были братья и сёстры:

Красносельский Михаил Васильевич, 1871 г., протоиерей, был женат на Лидии Диомидовне, дочери протоиерея Диомида Чернявского, убит большевиками в 1919 году; Красносельский Илья Васильевич, 1877 г.р., священник; Красносельский Алексей Васильевич, 1887 г.р. священник; Красносельский Фёдор Васильевич, 1889 г.р., учитель; Плотникова (Красносельская) Зоя Васильевна, домохозяйка, жена профессора в Воронеже; Коранатова (Красносельская) Анна Васильевна, учительница.

Михаил не служил по болезни, у него был повреждён правый глаз. Но зато в 1914 году он был награждён памятным знаком землемера, высочайше утверждённый в память землеустройства в Алтайском округе ведомства Кабинета Его Императорского Величества.

У Михаила с Августой уже были дети. Павел (мой родной дед) родился в 1908 году, Ольга а 1911 году. Далее родились Константин 1914 г.р., Михаил 1916 г.р.. Были Зоя и Василий, что умерли во младенчестве...

В 1917 году Михаил просил о переводе его в город Барнаул, так как надо было учить детей. Там, где жила семья, школы не было.

С другой стороны, как он пишет, «после свержения царской власти, правила и законодательство по управлению лесами и государственными землями сразу не были изменены, а потому отношения углубляющегося в революцию населения и администрации Лесничества не могли оставаться нормальными».

После революции во всех сферах творилось страшное. Разруха и беспредел были везде. Так, например, люди бунтовали, потому что после проведения в жизнь декрета о социализации земли началось отбирание земельных участков и выселение людей с обжитых территорий. «Не желая участвовать в отбирании и выселении с земельных участков, выдачу которых я производил, — пишет в автобиографии Михаил, — я перешёл опять в Управление земельной частью Алтайского края».



На фото: семья Храповых. Примерно 1918 год.

В 1924 году Михаил Ксенофонтович пишет: «из автобиографии и сообщения 20-летнего служебного стажа моего видно, что знания мои, как специалиста землемера, лесовода, должны и впредь использованы по управлению государственными земельными имуществами, или по землеустройству, или по управлению лесами, или в лесной промышленности по лесным заготовкам».

Его и использовали, как умного, грамотного, честного и порядочного специалиста, пока не пришёл страшный 1937 год...



На фото: На фото: Михаил Ксенофонтович и Павел Ксенофонтович 1934 год.

Арест

Долгое время родные мои считали, что мой прадед, Храпов Михаил Ксенофонтович, умер в 1939 году в Новосибирске, в тюрьме. Носили передачи в тюрьму, и у них эти передачи принимали! Когда же смогли увидеть его дело, то оказалось, что погиб он гораздо раньше. Я плакала навзрыд, держа в руках справку, на которой значилось: расстрелян 7 сентября 1937 года. Был ему в ту пору всего пятьдесят один год...

24 июня 1937 года было заведено дело, по которому мой прадед, Михаил Ксенофонтович Храпов, был арестован в Новосибирске. Предъявили обвинение: «Изобличается в том, что, работая в тресте «Новосиблес» в качестве старшего экономиста, является активным участником контрреволюционной троцкистской диверсионной организации, существовавшей в лесной промышленности Запсибкрая».

Он якобы вербовал новых участников, проводил активную подрывную диверсионную работу по планированию, учёту, лесозаготовке, лесовывозке и сплаву. По решению следствия всё имущество прадеда должны были конфисковать, а самого, в числе прочих, расстрелять.

В 1956 году, 22 мая, другие люди, прочитав сии обвинения, вынесли свой вердикт, что обвинение основано на сфальсифицированных материалах.

Писали: «Порочны доказательства виновности и остальных осужденных.». Например, «осужденный Мурзинцев признал себя виновным в диверсии. По его словам, он взорвал плотину на реке Верхний Сузун, применив в этих целях аммонал.

Дополнительной проверкой установлено, что плотина на реке Верхний Сузун не только не подрывалась с применением взрывчатки, но и не разрушалась вообще».

Был сделан вывод о том, что следствие было проведено с грубым нарушением закона. Из двадцати осужденных было расстреляно девять человек. Пять человек получили срок –

10 лет лишения свободы, шесть человек – восемь лет.

Когда в пятидесятых годах проводилась проверка по этому делу, некоторые выжившие были «передопрошены». Они показали, что показания из них выбивались разными способами. Одного из них, перед подписанием признания, пять суток лишали сна, содержали в карцере, другого заставляли часами стоять лицом к стене, по его словам – «до изнурения», третий показал, что протокол с признанием был составлен заранее и следователь принудил подписать его.

Военный трибунал, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1955 года определил: протест удовлетворить. Постановление тройки УНКВД по Западно-Сибирскому краю в отношении (идёт список 20 человек, Михаил Ксенофонтович Храпов – под вторым номером) отменить, а дело по их обвинению прекратить в уголовном порядке по п.5 ст.4 УПК РСФСР за отсутствием состава преступления в действиях осужденных.

По словам Ольги Александровны Пушкарёвой, внучки Михаила Ксенофонтовича, Августа Васильевна, вплоть до своей кончины, жила у них в семье. Она до конца жизни ждала своего Мишеньку, хранила для него запас нижнего белья.

Семейная жизнь Павла

Павел Ксенофонтович Храпов с первой женой, Софьей Трофимовной Лагуновой, прожил три года и она умерла.

(примерно 1936).

Женился на Евдокии Павловне Маменко. Все фотографии Храповых мне передала их дочь, Самодеева (Храпова) Екатерина Павловна, которая родилась 7 декабря 1941 года. У Екатерины двое детей, Алексей и Дмитрий, внучка Анна Алексеевна Самодеева. Павел Ксенофонтович умер в 1951 году.

Брат Василий

Осталось немного рассказать о судьбе третьего брата, Василия Ксенофонтовича.



На фото: Василий Ксенофонтович Храпов с женой Агнией. 1910 г.

На 1914 г. он — помощник присяжного поверенного в г. Томске. Прапорщик запаса, в Первую мировую войну призван в 41-й Сибирский стрелк. полк. В ноябре 1914 г. ранен, находился на излечении в Москве. Награждён орденом Св. Анны 4-й ст. с надп. «За храбрость» (1915 г.). В 1937 г. проживал в Смоленске, работал в в областном дорожном транспортном отделе плановиком-экономистом.

Брат Александр

Мало известно и о судьбе сводного брата, Александра Ксенофонтовича Храпова. Он покойся на Сербском кладбище близ Сан-Франциско.



www.mrscsf.org

Museum of Russian Culture San Francisco

Александр Ксенофонтович Храпов — участник Белого движения в России. Был кадетом. На 1913 г. помощником разъездного чиновника Иркутско-Читинской линии X отдела перевозки почт по железным дорогам. Эмигрировал в США. Умер в 1950 г. в Сан-Франциско. Жена — Зинаида Иннокентьевна Храпова (1893-1952 там же). Была в белых войсках Восточного фронта до эвакуации Приморья. В конце 1922 — начале 1923 в составе Смешанной береговой группы в Гензане (Корея), в начале 1923 года убыла в Шанхай.

Дети: 1. Евгений 1913, он же Храпов-Бьюик Евгений Александрович, родился в 1913, в эмиграции в США. Жена Мария Стефановна (ур. Задорожная); Кадет Сибирского кадетского корпуса. Умер 15 февраля 1994 в Сан-Франциско.

2. Храпов Николай А., родился 1915. В эмиграции в США. Умер 2000 в Сан-Франциско.

3. Аркадий 1917 года рождения.

Дедушка и бабушка Храповы

Семья Храповых

Мой дед, **Павел Михайлович Храпов**, родился 29 ок-

тября 1908 года в Барнауле, учился в реальном училище, потом в техникуме. Умер 15 мая 1972 года, когда гостил у дочери Ольги в Алма-Ате, от кровоизлияния в мозг. Там и похоронен.

Поженились Павел Михайлович Храпов и Елена Ивановна Шумихина примерно в 1929 году. Первой родилась Зоя, в Новосибирске, (23.06.1932—11.10.2008 г). Из Новосибирска Павла Михайловича направили на работу в Быстрый Исток Алтайского края. Михаил (мой отец) родился там 14 февраля 1934 года.

Вернулись в Новосибирск, 24 мая 1937 года родилась Августа Павловна (Гутя), моя тётя. Проживала молодая семья Павла и Елены в Новосибирске, в доме Храповых Михаила Ксенофонтовича и Августы Васильевны. По словам родных, Зою и Мишу в детстве крестили в православной церкви, и Миша, папа мой, знал наизусть молитву «Отче наш».

Побег на Север

Когда в 1937 году арестовали отца, Павел Михайлович возмущался, протестовал, рассказывал всем об аресте. И нашлись добрые люди, посоветовали срочно уехать из Новосибирска, чтобы вслед за отцом не попасть во «враги народа», спасти себя и семью.

Павел Михайлович должен был сдавать выпускной экзамен. А он забрал семью, уплыл на пароходе по реке Оби на

Север. Бабушка на дорогу яичек наварила, рассовала по карманам.



На фото: Зоя и Миша (мой отец).

По дороге потерялись документы. Пришлось восстанавливать. В селе Колпашево Тюменской области Павел и Елена устроились на работу. Зое, как старшая, водилась с Мишей и совсем крошечной Гутей. Расстилали одеяло на полу и на нём возились весь день.

Рассказ Августы Павловны Храповой о своём отце в годы войны: «Перед войной папу направили в деревню, председателем колхоза. Нашу семью заселили в большой добротный дом. Занесли узлы с вещами.

У мамы было богатое приданое, постельное бельё с отделкой кружевами, наволочки, расшитые вышивкой, большие двухметровые полотенца с вышивкой и кружевами. Нижние мужские рубашки в полосочку. Мама говорила, что они остались от брата. Полотенца расшивали цветами и птицами мамины сёстры. А ещё была очень красивая мамина комбинация, грудь и низ были украшены вышивкой Ришелье, в виде цветов и узоров. Мы с сестрой Зоей очень любили наряжаться в эту комбинацию, в кружевные вещи и играли в барышень. Мама эту комбинацию надевала только в праздники.

Я была младшенькая, меня любили и жалели. Правда я чувствовала, что с моим рождением в семье связывают череду неприятностей. Когда я родилась, арестовали деда, нам пришлось скитаться.

В большом доме нам пожить не удалось. Кто-то побил

стёкла, застеклить было нечем. Брат Миша предложил натянуть на окна полотенца. В оконных проёмах красовались разноцветные птицы и цветы, было красиво.

Наступали холода. Папа и мама были городскими жителями и обустроить быт не могли. Папа нашёл другой дом и мы перекочевали. Переносили вещи вечером, а утром решили забрать полотенца, но их уже в окнах не было.

Однажды папа пришёл с работы и сказал, что его забирают на фронт. В доме стало тревожно и шумно. Собрали прощальное застолье. Сдвинули столы к кровати, поставили стулья и табуретки. Пришло много народа. Я сидела на кровати. На стол поставили большие зелёные бутылки. Мама с папой раньше покупали такие бутылки, в них был клюквенно-брусничный морс. Он был сладкий и мы его любили. Но в этот раз разливали содержимое бутылок по стаканам взрослым. По цвету это был морс. Я заплакала и попросила меня налить. Папа, чтобы успокоить меня, налил мне примерно с ложку. Я глотнула, дыхание у меня перехватило и я упала в обморок. Хорошо, что была на кровати. Проснулась утром, папы дома уже не было...»

Выживание

Рассказ Августы Павловны: «...Мне было пять лет, я простыла и заболела. Мама работала, папы где-то не было. Брат Миша и сестра Зоя наверное, как всегда, искали, чем топить

печь. Я почти всё время была одна. Часто впадала в забытьё. Как-то очнулась от шума, кто-то громко разговаривал. Поговору поняла, что к маме зашла соседка. Я прислушалась. Соседка говорила маме: «Ты эту не корми, она всё равно по-мрёт, так других детей побереги, им больше достанется...». Но я выжила.

Семья переезжала много раз, и везде было трудно. В годы Отечественной войны мать работала в школе, отца то забирали на фронт, то возвращали, он работал на железной дороге.

Павел Михайлович был землеустроителем, занимался топографическими работами, делал карты местности, съёмки, для строительства ветки железной дороги через реку Обь. Дома появлялся редко, привозил какие-то продукты».

Про эти карты местности мой отец рассказывал, что у деда однажды несколько карт пропало. А потом увидел соседку в новой светлой блузе. На краю блузы красовался краешек несмываемой печати, что ставили на карты. Так и стало понятно: карты украла, отмочила, чтобы бумага отстала, и из красивой и прочной светлой ткани сшила блузку себе.

По рассказам Августы Павловны, все пережили очень трудное и страшное время, когда мать, Елена Ивановна, забеременев Олей, вынуждена была лечь в больницу в другом селе. Она наняла женщину, чтобы та присматривала за детьми. Но нянька сбежала, захватив продукты. Зое было десять лет, Мише – восемь лет, Гуте – пять, и дети выживали

одни почти четыре месяца!

Зоя, как старшая, ходила в магазин за хлебом и не раз падала в длиннющих очередях в голодные обмороки. Очереди были за хлебом по карточкам. Карточки выдавали на почтовых бланках, были талончики на каждый день. Продащица вырезала талон, наклеивала себе в тетрадь. Получали за маму, за отца, на детей – выходила булка хлеба и, иногда, маленький довесочек.

Миша с маленькой Гутей ходил на берег реки Кеть. Добывали яйца ласточек-береговушек. Гутя держала за ноги, а он доставал яйца из норок. Часто дети собирались в большие компании, ватагой бродили по лесу, искали, что бы поесть. Дети постарше знали, какие растения съедобные, а какие – нет. Ели корни, листики, почки, сладкие молодые стебли. Они, вырастая, становились трубчатыми, жёсткими, негодными в пищу. А пока не выросли, были сочными, толстыми. Миша всегда носил с собою ножичек, им и срубал растения. Ели хвощ полевой, копали луковицы саранок, на поле собирали колоски пшеницы. Жевали зёрна, обсасывали, а потом выплёвывали жёсткую ость, кожуру.

Августа Павловна вспоминала: «Однажды, осенью уже, вернулся отец. Я лежала на крыльце, смотрела на облака в небе. Дверь была нараспашку. Появился он, чёрный, обросший, бородатый. Я не узнала его, испугалась, и от испуга не было сил убежать. А он позвал её:

– Гутенька, это я, твой папа!

Узнала его по голосу. Спросил:

– Как вы тут?

Достал рюкзак и вытряхнул в таз пять убитых уток:

– Ощипайте и варите!

Взял мешочек поменьше и высыпал кедровые орехи.

– Папа, не уходи!

– Нельзя, надо идти! Все живы?

И ушёл. Пришла Зоя.

– Откуда утки?

– Папа приходил.

Начали щёлкать орехи, но Зоя велела теребить уток.

– Теребите все перья.

Начали теребить. Брюшко чистилось легко, а вот перья на спинке сидели крепко. Я начала кукситься. Но Зоя сказала строго:

– Кто не работает, тот не ест.

Я, в тусклом свете коптилки, сражалась с уткой, да так и, не дочистив, уснула. Проснулась ночью на кровати, в доме – небывалый аромат. Сестра с братом протопили печку, сварили утку и сидели, ели.

– Ой, как вкусно пахнет! – воскликнула я, и, отвернувшись к стенке, горько заплакала. Они заслужили суп с уткой, а она не дотерпела, не дочистила свою. Значит, еду не заслужила.

– Ладно, иди, ешь! – сказала сестра».

Елена Ивановна родила Олю 4 сентября 1942 года в селе

Белый Яр Тюменской области. Но в больницу её отправили заранее. Родила, и жила более двух месяцев на съёмной квартире. Каждый день ходила, с грудным ребёнком на руках, на пристань. Пароходы, в связи с военным положением, были перегружены, пассажиров не брали. Она просилась, плакала, говорила, что дети остались одни. Вернулась домой она поздней осенью, на последнем, перед ледоставом, катере.

В школу дети почти не ходили, нечего было надеть. А желание получить образование у них было большое. В школе не раз падали в голодные обмороки, но учились, как могли.

Когда родилась самая младшая сестра, Люба (18 мая 1946 года в селе Кожевниково Томской области), Гутя её три года с рук не спускала, в школу не ходила. Потому что квартира была холодной, пол ледяной.

После войны

Павел Михайлович мотался из одной командировки в другую. Он, памятуя о судьбе своего отца, не смел отказаться, и, доказывая лояльность к советской власти, принимал любое назначение.

Приезжая на новое место работы, первым делом шёл отмечаться в милицию. Работал то председателем колхоза, то агрономом...

После войны завели корову. Отец заставлял поить корову три раза в день, чтобы больше молока было. Миша ходил

поить корову из проруби на речку в единственных валенках, с дырой на пятке. Подшивать валенки он тогда не умел, запихивал в валенок сено, оно торчало из дырки. Корова подкрадывалась сзади и зубами выдёргивала этот клочок, и домой он скакал по сугробам, как заяц. Зато подросток – научился валенки подшивать. Нужда много чему выучила.

Миша подростком нещадно прогуливал уроки, охотился на уток, приносил их мешками, на зайцев, рыбачил и кормил всю семью. Зое тоже приходилось несладко. На руках были младшие сёстры. Воду приходилось носить на коромысле, стирать на руках. У неё с детства были простужены ноги. Люба с детства страдала рахитом.

Рассказывали, что Павел Михайлович, уходил из семьи, жил с какой-то женщиной, что работала на переработке молока, «стояла у рожка со сливками, не голодала». Он всё-таки вернулся в семью, но поступка его дети долго не могли простить.

Как дед правду искал

Есть воспоминания родных, как однажды мой дед, Павел Михайлович Храпов, правду искал.

Семья тогда жила в селе Мужы, Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Трудился он в управлении сельского хозяйства.

Послали инспектировать оленье стада. Проверить и при-

везти отчёт. На то, чтобы найти, проверить уходило всё лето. Поехал не первый раз. Всё сделал, а одно стадо не нашёл. Отправился по следам, спрашивал в чумах-ярангах, выспросил, когда стадо проходило, куда, записал. Выяснил, что одно стадо угнали к железной дороге.

Там поговорил с людьми, рассказали, что была большая бойня. Туши мяса, много мяса продали на железную дорогу, для ресторанов, погрузили и увезли. Всё записал, собрал пояснения. Главное выяснил, что это провернул главный зоотехник из Мужей. Подобные аферы он проворачивал не первый раз, зарабатывал большие деньги.

Ему, конечно, доложили, что приехал инспектор, ищет, выспрашивает. Он встретился с Павлом Михайловичем:

— Что, скажешь об этом?

— Скажу, как есть. Куда делось стадо?

— Да это было при мне, ветеринарный врач велел уничтожить больных животных. Убили, закопали.

— А где они?

— Волки раскопали и съели. Никакого мяса не продавали.

Павел Михайлович отправился в это место, где «волки раскопали и съели», чтобы там отметки сделать. Шёл пешком. И его кто-то выследил и ударил по голове.

Лежал он без сознания сутки-двое. Очнулся – голова шумит, кровь на одежде. Понял, что пролежал долго. Полз, нашёл озеро, напился, отдохнул. Едва поднялся, добрался до села, его отвезли, едва живой добрался домой. В больнице

сказали: закрытая черепно-мозговая травма, череп не проломлен.

Жена зоотехника в ту пору ходила в норковой шубе, богатство так и бросалось в глаза. Зоотехник же нанял адвокатов. Откупился, справки собирал, экспертизы проводили, сжёг трупы животных или нет.

Но Павел Михайлович дело это всё-таки раскрутил, судили зоотехника, сколько-то отсидел, выплачивал государству ущерб, уехал. Отец честным был, узнал – не мог молчать.

Позже рассказывали, что семья зоотехника обеднела. Но и Павлу Михайловичу досталось, свои люди были в руководстве, отомстили. Против него по всем пунктам написали резолюции – отказать в командировочных, пусть вернёт выданные деньги, так как цели не достиг, стадо не нашёл, прогулял. У него уже в ту пору был инфаркт, знали, что болен, что семья большая, и всё-таки – «отказать в командировочных».

Дети выросли

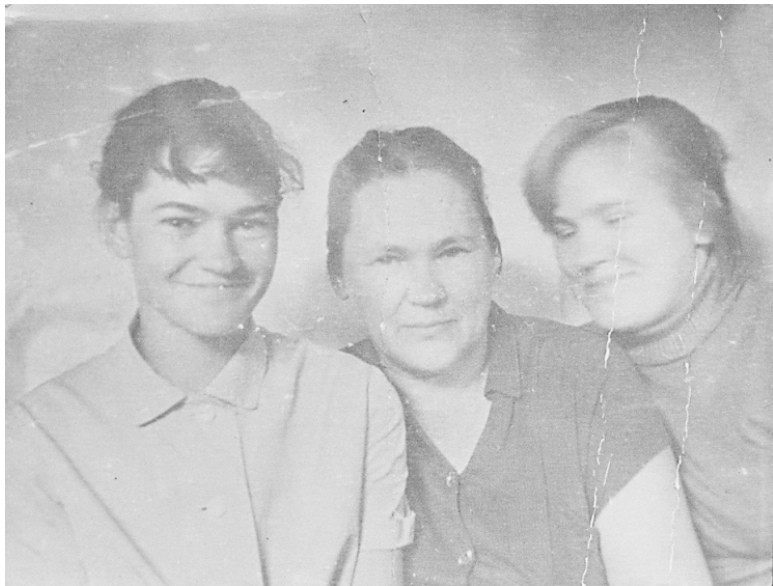
Зоя училась в Ленинграде, Гутя в Салехарде, в пединституте, позже тоже к Зое приехала, её взяли сразу на четвёртый курс. Гутя, по распределению, устроилась жить и работать в Эстонии, и с парнем дружила, глядишь бы и замуж вышла. Но приехала за нею мать с Любой, следом отец, и все они поселились в её крошечной квартирке. А потом начали уговаривать вернуться. Мол, поедem в Томскую область, в ме-

ста её детства... Уговорили. Приехали в Мужы, и о переезде больше разговоров не было.

Михаил учился в Салехардском олентехникуме. Потом служил в Белоруссии, был танкистом. Из армии, когда был командиром танка, по третьему году, каждый месяц отчислял пятьдесят рублей. Отправлял матери, в надежде, что она сохранит. Ему нужно было вернуться в техникум.

Вернулся, а денег нет. Мама его потратила всё на младших детей. Очень был расстроен и раздосадован, но делать нечего. Устроился работать к бурильщикам.

Зоя вышла замуж за ленинградца Рудольфа Владимировича Балакшина, а его после окончания учёбы отправили геологом в Читу, квартиру дали. Зоя поехала с ним. Следом — Люба, за нею Гутя, далее, как ниточка за иголочкой, все остальные. Но перед этим Михаил, папа мой, женился.



На фото: Ольга Рослова(Храпова), бабушка Елена Ивановна, Люба Храпова.

Сатюковы



На фото: Зиновий Евстигнеевич и Евдокия Ильинична Сатюковы.

Отец моей мамы (дедушка мой), **Сатюков Зиновий Евстигнеевич**, 1909 года рождения, до войны работал заведующим столовой в Коммуне.

Был осуждён, попал в тюрьму, оттуда был взят на фронт, воевал в штрафбате. Был демобилизован в январе 1942 года по ранению. Пришёл домой, прожил до конца марта 1942 года и умер. Он не увидел последнюю свою дочь, Нину, маму мою, которая родилась 23 ноября 1942 года.



На фото: Зиновий Евстигнеевич Сатюков

Жили Зиновий Евстигнеевич с женой Евдокией Ильиничной в деревне Сатюки Бельского района Кировской области, в крестьянской семье.

О деревеньке этой в интернете прочла следующее: «Деревня Сатюки находилась около реки Суны в Фаленском районе, в двух километрах от деревни Филейка. Проживало в Сатюках около 400 человек. Деревня состояла из 60 домов. Существовала легенда, что в ту местность приехали два брата Сатюковы, и стали там жить вдвоём. К ним приходили ещё люди и селились рядом. Так возникла деревня Сатюки. В ней проживали одни Сатюковы, кроме двух семей, Лимоновых и Катаевых.

Местность была равнинная, за километр от деревни протекала река Суна. Дворы размещались с двух сторон от дороги, которая в деревне была ровной. Трактористы называли эту деревню «второй Москвой». В смысле, дорога ровная, как в городе. В двух километрах от деревни был колхоз «Новый путь». Где произошло слияние таких деревень, как Малые Катаи, Большие Катаи, Шлепы, Тарасы, Кочуганы, Сергачи, Пушкинцы, Пьянки.

Жители деревни были колхозниками. Работали на поле, стряпали на дворе, по праздникам пели песни, выступали и даже ставили концерты. Дети помогали родителям, ходили в школу. Школа была не в деревне, а в колхозе. В деревне было

построено двухэтажное здание – Дом культуры и контора. Это здание было гордостью деревни».

В семье Сатюковых было девять детей, но выжили только четверо: Михаил, Геннадий, Анна и Нина. Сатюкова Евдокия Ильинична после рождения Нины, мамы моей, заболела. Была на операции в Кирове, по поводу язвы желудка. Необходимо было хорошее питание. А где оно во время войны? Она умерла в марте 1944 года. Маленькой Нине было два годика.

Мама рассказывала, что хорошо запомнила этот день. В правом углу дома стояли лавка и большой стол. На столе лежала её мать. Потом её вынесли на улицу, а Нина стояла на окне, и кричала, плакала, но её не взяли с собой. На улице выпал небольшой снег. А в доме – одни рамы, был март...

Старший брат, Михаил Зиновьевич Сатюков был болен, помногу месяцев лежал в больнице в Кирове. Признали у него туберкулёз костей. Он умер в 1952 году. Мама, хотя и смутно, помнила, как они с ним пахали какое-то поле. Было уже холодно, у неё страшно мёрзли ноги, и она грела их о бока лошади, на которой сидела верхом. А брат шёл рядом с лошадыю.

Миша учил её играть на балалайке, выучил с нею песню «Степь, да степь кругом». Он привязал к полатам качели, и Нина, раскачиваясь, на всю избу, во всё горло пела эту «Степь». Когда брат умер, ей с оказией прислали его вещи. Были там валенки. Огромные, но очень тёплые.

Сестре, Анне Зиновьевне Зверевой (Сатюковой) (15.08.1931 — 05.02.1974), после смерти матери было 13 лет, она уже два года работала в колхозе наравне со взрослыми. Приходила домой поздно, усталая. Ела несолёную картошку и обижалась на бабушку. Бабушке, отцовой матери, Соломиде Фёдоровне, было 73 года. Бабушка любила только тех внуков, что походили на её сына. А таковыми были Нина и Михаил. Оба черноглазые и черноволосые, тогда как Аня и Гена — голубоглазые, в мать.

Анна вышла замуж за Павла Зверева, родила дочь Светлану. Геннадий Зиновьевич Сатюков, примерно 1934 года рождения, учился в Пермском авиаучилище, был техником-авиатором. Мама вспоминала, что брата Геннадия родственники увезли в Пермь. Слышала, что он там, подростком, чуть было не угодил в тюрьму, но как-то обошлось, и он был призван в армию. Служил в Эстонии. Оттуда и пришла к ней первая весточка, письмо с фотографиями. Она училась тогда в четвёртом классе. Геннадий позже разыскал младшую сестру, встретились они 5 сентября 1960 года, но общались мало.

Далее мама о своей жизни будет рассказывать сама.

Гроза

«Маленькая, я ужасно боялась грозы, — писала она в дневнике, — как только гремел гром, мчалась в дом и зала-

зила под корыто. Там, под корытом, и находила меня бабушка, если гроза проходила, а меня всё ещё нигде не было. Она же грела мне мои вечно холодные ноги.

Бабушка была очень худая, и я, засунув свои ледышки ей между ног, ощущала кожу да кости. Но всё равно, казалось, что ноги мои согревались. Может, от бабушкиной любви, а может, от печки, где мы спали вдвоём. Рядом с печкой были полати. Там всегда лежала какая-то одежда и лук. Самым же прекрасным в полатах было то, что к ним можно было приладить качели. Смотреть же с полатей, что делается внизу, было не на что.

Всё моё детство прошло рядом с бабушкой. Помню избу, сени, кладовую – всё это под одной крышей, крытой соломой. Помню огромную берёзу, что росла в ограде. На неё брат прилаживал скворечник, и там всегда весной селилась семья скворцов. Берёзы, огромные, старые, росли на деревенской улице. И весной они всегда «плакали», берёзовый сок струился из трещин».

Ночной пожар

«Пожаров я очень боялась, боюсь до сих пор. Боялась и моя бабушка, которая говорила: «Вор придёт – стены оставит, пожар придёт – всё заберёт». Как-то пришла она из деревни и говорит мне:

– Беги-ка ты, внучка, на мельницу, там тётка Василиса те-

бя заказывала.

Вот я и отправилась на мельницу. Видимо, была она недалеко, если я не побоялась пойти туда одна. Мельница стояла на берегу пруда. На противоположной стороне была деревня. Дома стояли у самой воды, их отражения были видны с запруды. На мельнице я встретила двоюродную сестру Тоню. Мы долго смотрели, как тёплой струёй в мешки сыплется смолотая мука. Потом кто-то крикнул:

– Горит!

Мы бросились на улицу. В деревне горел дом. Потом, прямо на наших глазах, огонь перекинулся на соседний дом, загорелся третий, пламя перекинулось через новую ферму на старую. Слышались крики людей, мычание коров. Пламя пожара отражалось в воде. Было красиво и страшно. Не знаю, тушил ли кто огонь, но как-то быстро прогорели эти три дома и ферма. Говорили, что спасти ничего не удалось, а на ферме сгорело много телят.

Мы дождались своей очереди на мельнице, смололи зерно и уехали к тёте в деревню. Но долго ещё в памяти стояла эта страшная картина пожара. И много лет спустя, когда я видела пожар, всегда вспоминала это детское восприятие огненной стихии».

Времена года

«Лето. Воздух чистый-чистый. Мы, ребятишки, каждому

по шесть-семь лет, играем в палочку-выручалочку или прятки. Иногда уходим к амбару и там начинается представление. Один из нас – шофёр, сидящий на веялке, другой – лётчик. Это, конечно, я. Вечером бежим на конюшню. Садимся на коней, и – в ночное. Удивительно: я, маленькая девочка, могла ездить на лошади не хуже любого мальчишки

Осень. Мы бежим в поле, где недавно сжали рожь, собирать колоски. Мешки быстро наполняются. С визгом бежим к амбарам, высыпая мешки и – обратно.

Зима. Ещё задолго до масленицы, мы начинали к ней готовиться. Мы готовили санки. Бралась толстая доска, примерно полметра длиной, и намазывалась навозом. Затем её обливали водой.

Когда всё это замерзало, намазывался второй слой, третий. Получались очень скользкие санки. За деревней, где был долгий спуск, дорогу поливали водой, получалась катушка.

Взрослые катались в больших санях, а мы, ребяташки, на своих «навозных» санках. До сих пор помню тот непередаваемый восторг, когда санки разгонялись и долго-долго катились вниз. Санки сталкивались, наездники опрокидывались. Столько было визга и смеха

Зимой мы ходили в школу напрямик, чем сокращали наш путь вдвое, весной на самодельных лыжах по насту добирались вообще мигом. Но как только начинал таять снег, наша маленькая и тихая речушка, через которую летом можно было перепрыгнуть, превращалась в огромную реку с глини-

стыми берегами. Тогда уж только один путь вёл нас в школу – через мост и село Коммуну, а дальше по дороге в Кочуганы через лес.

Так я любила весну, люблю и теперь. Какая радость бежать из школы к реке, смотреть, как идёт лёд, а потом идти два километра по лесу, где начинают распускаться первые листочки».

Детский дом

«В детстве я жила почти беззаботно. Почему – почти? Потому что нужно было готовить поесть бабушке. Иногда совсем нечего было есть, приходилось идти к кому-нибудь, просить хотя бы кусок хлеба. Как я не любила это

Наших пенсий с бабушкой (55 рублей) почти никогда не хватало на месяц. Никто нам не помогал. Сестра только что уехала в город, самой трудно. Брат Миша тоже был в городе. Да и чем он мог бы нам помочь, когда самому было пятнадцать лет? Иногда заходил председатель колхоза, выписывал что-нибудь из продуктов. Так и жила я до десяти лет, потом детский дом. Первый, второй, третий, и так до пяти. Пока не исполнилось шестнадцать лет».

«Не знаю, кому пришла в голову мысль сдать меня в детский дом. Соседки всё чаще и чаще качали головами, глядя на меня и мою старушку-бабушку. Потом кто-то начал собирать «бумаги». Дядя Гриша свозил меня в больницу, где

проверили, не болею ли я туберкулёзом, так как брат Миша умер именно от этой болезни. Но ничего обнаружено не было, хотя оставили меня полежать и чуть подкормиться. Каждое утро к чаю давали булочки, которые я не ела, а берегла бабуле. Но когда, измучившись лежать, я решила бежать домой, о булочках не вспомнила даже.

Это было летом, а в детский дом документы были готовы только зимой. И вот 16 декабря 1951 года какой-то дядька запряг лошадь, укутал меня в тулуп, посадил в сани, и мы тронулись в путь. Предстояло проехать 22 километра до посёлка Белая, где находился первый мой казённый дом. Дорога шла по лесу, пока ехали до Талицы, а там полями, двенадцать километров, до Белой.

Зимний день короток, приехали уже к вечеру. Возница отвёл меня сначала к директору, а потом в здание за речкой, где была столовая, спальни и групповые комнаты. Он привёл меня на кухню и ушёл. Повариха принесла мне жареной картошки и две конфеты с чаем. До сих пор помню вкус тех конфет. Я их раньше вообще не видела. Это были карамельки без обёртки. От такой непривычной еды, новых впечатлений, мне стало нехорошо. Я – держалась. Но когда привели в спальню и уложили в кровать, мне стало совсем худо.

Представьте: в группу, где сидело несколько человек, выбирается из спальни долговязая бледная девчонка, держится за живот и говорит с тоской:

— Лихо!

Никто ничего не мог понять до той поры, пока меня не стошнило. Таким был мой первый день в детском доме. А потом пошла-поехала детдомовская жизнь».

Детдомовское житьё

«Я училась в третьем классе, и шёл 1952 год. Школа была недалеко. Это была, видимо, средняя школа, так как в ней было два этажа, и по обеим сторонам были лестницы.

И когда наша детдомовская шпана начинала гонять нас с ножами или с тухлой рыбой, мы мчались в школу и носились по пустым коридорам вкруговую. А шпаны в те годы в детдомах было очень много. Беспризорники-подростки вылавливались по железным дорогам, вокзалам, и определялись в детские дома, которых в Кировской области было великое множество.

Воровской жаргон, оружие (ножи-финки) были характерны почти для всех этих полудетдомов, полуколоний. Били младших, даже воспитателям попадало, и работать здесь было небезопасно».

В родной деревне

«В зимние каникулы меня отпустили домой. Кончились занятия в школе, потом обед. Когда вышла на дорогу, веду-

щую в Талицу, было уже, наверное, часа три. В декабре темнеет рано.

Не успела я пройти и половину пути, начало смеркаться. Дорога шла по полю, кругом лежал снег, и идти было не страшно. К Талице я подходила, когда уже было темно. Дорога едва угадывалась, но были видны огоньки в домах, и это придавало мне бодрости.

Ночевала я у каких-то знакомых, спала, помню, на сундуке (я его видела позже, когда приезжала из Ленинграда в Талицу к тётке и была в том доме, где ночевала десять лет назад). На другой день с оказией на розвальнях я приехала в свою деревню Сатюки, где ещё жила моя бабушка.

С какой гордостью ходила я по деревне в шубке, в которой приехала, и в шапке. Шуба была сшита то ли из бурундуков, то ли из крысиных шкурок. Но после моих лохмотьев и лаптей она казалась мне роскошной. И как иногда дети, увидев, что на них смотрят взрослые, прищипоривают коня и мчатся галопом, или отпускают руль велосипеда, так и я несколько раз хвастливо прошлась по деревне с края на край.

Как я возвращалась обратно в Белую, я уже не могу вспомнить, но, так или иначе, к началу третьей четверти я была на месте».

Смерть Сталина

«Бежали в детском доме дни, с радостями и неприятно-

стями. Большие беды обходили меня стороной, я их не искала. Первое горе случилось в марте 1953 года.

В столовой висела чёрная тарелка-репродуктор. Мы и не обращали внимания, что она там бормочет, пока директор не сказал, что заболел Сталин. Теперь наше внимание постоянно было приковано к репродуктору. Помню, мы даже стайкой залазили на стол, чтобы лучше слышать, как он там, наш родной вождь и учитель?

В день смерти Сталина занятия в школе были отменены. Все разошлись по домам. Мы с подружкой почему-то вернулись в школу, прошли по пустым коридорам до учительской. Дверь была полуоткрыта, и мы тихонько заглянули внутрь. Все учителя сидели там и плакали. Мы спустились вниз, остановились около такой же чёрной тарелки, как и в нашей столовой. Там звучала траурная музыка, и мы обе заревели в голос.

Нам казалось, что жизнь остановилась. Как жить дальше? Без него? Всем казалось это катастрофой. Но кончился траур, замолкли траурные гудки паровозов и пароходов, и жизнь покатилась дальше».

Нападение шпаны

«Было уже тепло, снег начал подтаивать и оседать. Под снегом зажурчали ручьи. Я помню, как несколько раз теряла, проваливаясь в снег, валенок. Его засасывала вода, и прихо-

дилось разгребать снег, чтобы освободить пустой валенок.

В эти тёплые дни большие ребята избивали воспитательницу. И надо же было мне оказаться неподалёку и всё видеть. Многих ребят я уже знала, а вот что рассказывать директору о том, что случилось, значит ябедничать, этого я ещё не понимала. И попалась.

Кто-то сказал мне, что парни меня караулят, чтобы отлупить. Я стала прятаться. После школы уходила к деревенской подруге (её бабушка жила в Сатюках, а родители – в Белой), сидела там до темноты, а потом потемну пробиралась в детский дом. Сначала в столовую, потом сразу в спальню.

Но в какой-то день я потеряла бдительность и оказалась в кругу больших парней. Они и не разговаривали со мной. Столкнули в снег и начали пинать ногами. Мне кажется, я даже потеряла сознание.

Или кто-то спугнул моих обидчиков, или они сами решили, что так и убить можно, но, когда я очнулась, никого уже не было. Рот, карманы, валенки – всё было полно снега. Всё тело болело. Я даже сразу подняться не смогла и долго лежала в снегу. Было темно. Всё же я заставила себя подняться, и пошла в здание.

Синяки сходили долго, но переломов не было. Считаю, что ещё легко отделалась. Но поняла одно: ябедничать никогда и ни на кого нельзя. Осознав это, я поняла и другое. Не надо бояться, когда тебя бьют, надо только голову не подставлять. С тех пор я старалась в обиду себя не давать. В

драку лезла смело, но помнила: надо беречь голову».



На фото: мама-детдомовка.

Добавлю от себя. Всю жизнь, до конца дней своих, мама страдала от сильных, а порою невероятных головных болей. Читаешь дневники, которые она мне оставила, вручила со словами: «Бери, может быть когда-нибудь напишешь обо мне.», и часто об этом: «голова болит» И мне всегда думалось, что головные боли – последствие того нападения.

Устные рассказы

Много чего из маминых рассказов осталось только в устных рассказах. Как однажды весь класс наказали многочасовым стоянием за надпись на школьной доске «Людочка Пучеглазка».

Как собирали поздней осенью колоски в поле и шли с околеченными ногами, а мимо проезжала машина с солдатами, и один бросил ей ботинки: «Носи, сестрёнка!». Ботинки были непомерно велики, но это было тепло и радость

Рассказ мамы: «Незаметно прошло лето. Бегали на речку рыбу в банки ловить и купаться. Тогда я и плавать научилась. А июле детский дом расформировали, и нас, будущих четвероклассников, повезли в Омутнинский район Кировской области, и я, впервые в жизни, увидела поезд на станции Фалёнки. Мы стояли на перроне, на нас медленно надвигалась громада локомотива. С любопытством и испугом смотрели

мы на приближающийся поезд. Но когда он поравнялся с нами, машинист дал гудок, и мы бросились врассыпную.

Помню машину с женщинами-украинками. Они сидели на скамейках в кузове и пели какую-то протяжную песню. Пели печально и красиво. Мы слушали их, пока машина не ушла.

Здесь, в Афанасьеве, я встретила первую учительницу, которую запомнила. Весной её наградили то ли медалью, то ли орденом, и мы все радовались за неё. Всем классом встречали её перед занятиями и провожали домой после школы. Здесь я впервые стала учиться без троек».

А училась моя мама Нина хорошо, несмотря на то, что переводили из одного детского дома в другой. Яранский – последний, который она считала домом родным и скучала, и любила ездить туда в гости.

Учёба в Ленинграде

После окончания средней школы маму, с другими девочками, отправили на учёбу в Ленинградское педагогическое училище номер два, которое готовило учителей начальных классов. Это было необычное училище, уникальное в своём роде. Очень сильные были преподаватели. Я, работая в начальной школе, учила детишек математике по сборнику Бантовой, а она была маминым наставником!

Мама училась легко и с радостью. Кроме изучения пред-

метов, были лыжные прогулки, прыжки с парашюта в кружке, и – музыка. Мама, услышав мелодию по радио, легко называла автора и название произведения. Сама она была музыкантом-самоучкой, могла подобрать на аккордеоне любую мелодию. Кроме аккордеона, играла на пианино, гармошке, баяне, мандолине, домре, балалайке, гитаре. А сколько она читала! Что ни день, новая книга.

Нина летом ездила в гости к сестре, Анне, у той уже была на руках маленькая дочь Света, моя двоюродная сестра. Иногда навещала родню в деревне, была дружна с двоюродной сестрой Тоней. Помогала по хозяйству, ездили с Тоней на велосипедах. Однажды навестили родную деревню, Сатюки. Дом, где жила с бабушкой, уже разваливался, страшно было заходить. Бегала с двоюродными сёстрами и подругами на танцы. Нина танцевать очень любила. Девушка была простая, весёлая и серьёзная, всё в ней гармонично уживалось, и к ней сразу тянулись люди, а дети ходили за нею гурьбой.

Письмо дочери

Мама в 1996 году писала в дневнике: «Письмо дочери, с продолжениями и отступлениями, лирическими и нелирическими. Я иной раз завидую своим собственным детям. Их психология совсем другая, чем у меня. Знаешь ли ты, Оля, что такое детский дом? Конечно, слышала о нём, читала, может быть. Но одно дело – слышать, другое – чувствовать из-

нутри. Первое чувство, которое ты там осознаёшь, – ненужность. Никому. Может быть, на первых порах это не ощущалось, а осознание пришло позже, когда появились собственные дети и своя семья.

Ты вот уже взрослая, живёшь своей семьёй, имеешь детей, но всё равно, думаю, ощущаешь, что где-то о тебе думают, переживают. Может быть, и ругают порой, от чувства беспомощности помочь. Но думают и любят, всегда тебе рады.

А я вот в шестнадцать лет вдруг поняла, что никому не нужна. Все окружающие ко мне равнодушны, и общаются постольку, поскольку живут рядом. Как я плакала! Это было уже на втором курсе педучилища. А ведь все предыдущие годы были прожиты под этим знаком – «ненужности». И если бы я умерла, никто бы не заплакал.

Но пока я была ребёнком, мне некогда было об этом думать. Были мысли: «Вот умру – посмотрите!» Да кому смотреть?!

Все мы, выходцы из детских домов, люди с какой-то надломленной психикой. Мы многого не понимали в жизни, нам многому пришлось учиться. Учиться жить. Но это – лирическое отступление».

Подруга с Крайнего Севера

Маму мою после окончания училища ждало какое-нибудь новое место жительства. Она подумывала о том, чтобы по-

ехать на целину.

Ленинградское училище было уникальным и потому, что там, кроме детдомовских девушек, учились и дети жителей Крайнего Севера. И в одной комнате с Ниной оказалась Ольга Храпова. Они очень крепко дружили весь последний год. Ольга тогда встречалась с ленинградцем Виктором Рословым, будущим своим мужем.

Однажды произошло мистическое событие. В шутку ли, всерьёз ли, девушки попросили Бога, чтобы Он навсегда связал их жизни. И тут же – чтобы развёл их жизни. Так и вышло. Судьбы их связались навеки, но после этого разошлись пути.

Прошло время выпускных экзаменов, мама получила красный диплом. Впереди было целое лето, и Ольга позвала подругу с собой в гости. Знали ли они, что, под стук колёс поезда, мамочка моя летит навстречу папе, будущему отцу её детей.

Встреча с отцом

Мама рассказывала, что родители и сёстры Храповы ей поначалу понравились. Мать, Елена Ивановна, без конца хлопотала. Сестры Зоя, Августа, Оля и Люба – весёлые, всё прыскали от смеха, а отец Павел Михайлович, сразу поняла Нина, очень добрый.

Вечером появился Михаил, вернулся с охоты. Он пока-

зался Нине старым. Чёрный от грязи. Но умылся, переделался, и стал молодым и красивым.

– Девчонки, кто поедет со мной рыбу ловить? – спросил на другой день Михаил.

– Я! – крикнула Нина и с удивлением посмотрела на сестёр Михаила. Они не изъявили желания.

– Ну, собирайся! Или боишься? – в глазах Михаила прыгали весёлые искорки.

– Я не боюсь!

Мама рассказывала, что Михаил ловил рыбу, а она осторожно шлёпала комаров на его фуражке.

Через две недели Михаил объявил родителям, что женится на Нине. Мама рассказывала, что на август планировалась свадьба Оли с Виктором Рословым. А родители решили свадьбы объединить. Маме срочно пошили платье, и третьего августа 1962 года мама с папой расписались в райбюро ЗАГСе села Мужы Шурышкарского района.

Вскоре после двойной свадьбы родственники разъехались. Оля с Витей уехали в Ленинград, а мама с папой остались с родителями.

С тех пор дороги подруг, а теперь и кровных родственников, пересекались очень редко, на короткое время. Соединились навеки, и разошлись пути.

Раннее детство

Беременность мамы

В Тюменскую область входят Ханты-Мансийский (Югра) и Ямало-Ненецкий автономный округ. Село Мужы — административный центр Шурышкарского района Тюменской области.

Село Мужы, в котором жила семья моих родителей, Храповых Михаила и Нины, раскинулось на берегу Оби. Село Горки находилось много дальше, на другой стороне реки. Обь в этом месте необычайно широкая, как море, потому что это устье, впадающее в Карский пролив.

Деду моему, Павлу Михайловичу, в то время было 55 лет, предпенсионный возраст. На работе произошло сокращение.

«Отец безобидным был, болел, пережил инфаркт, — рассказывала тётя, Августа Павловна, — он и попал под сокращение. Сказали, что есть место в Горках, управленцем. И родители Михаила, переводом, уехали в Горки, квартиру им дали. А в Мужах остались Михаил с Ниной. Она была в декретном отпуске, сказала: «Рожать хочу с мамой». Приехала к маме. Туда катер ходил. Михаил остался в Мужах, много работал».

Отец в то время служил в милиции, на аэросанях, санях, на глассере по Оби начальника возил.

По рассказу моей мамы, рожать в Мужах было опасно. Её, беременную, положили в больницу, на обследование, и странная была там история. Какие-то сплетни, словно тучи мошкары, вились над головой. Какие-то выдуманные диагнозы, которые совершенно были опровергнуты, когда мама вырвалась в Салехард. У неё был цистит, а ей поставили диагноз «венерическое заболевание». С чего бы это! Она девушкой замуж вышла, и отец был невинен, не изменяли друг другу. Тем не менее, диагноз висел над головой, и мамочку, беременную мною, несколько месяцев продержали в больнице. Это было неспроста.

По маминым словам, была некая медсестра, которая заглядывалась на моего молодого отца. Не могла смириться, что он выбрал приезжую девушку, и обещала «известить младенца» (меня, то есть). И мама, всем своим детдомовским чутьём ощущавшая опасность, перед самыми родами вдруг перебралась в Горки.

Путешествие папы

16 августа 1963 года Елена Ивановна дала телеграмму сыну: «Нина родила». А следующий катер, что перевезёт через реку Обь, должен был быть через несколько месяцев.

Августа Павловна рассказывала: «Обь – большая, огром-

ная, разлилась перед морской губой. А Михаил не стал ждать катера, поехал на моторке. Была непогода, дул ветер, волны – с многоэтажный дом, другого берега не видать. Морские суда ходили хорошо, но на лодке Он умел плавать, управлять лодкой. Умел идти поперёк волны, забираться на гребень, спускаться наискосок, скользить Люди в Горках стояли на берегу, смотрели, как он плывёт. Нашёлся безумец, плавать в такую погоду!».

Рассказ папы моего, Михаила Павловича: «В пятидесяти километрах за Салехардом широкая, с протоками, Обская губа. Десять-двенадцать километров ширины. Там гибли, бывало, морские суда. Мелководная, могла выдавать нечётное количество волн. Третий, четвёртый, девятый вал а потом р-раз – и нет волны, корабль попадал в ловушку... Корабли там возили нефть, наливные суда, почти подводные. Идут, под водой почти, и эти нечётные волны переламывали их пополам. Я туда не совался. Хотя попадал в похожую ситуацию.

Берега рек и проток илистые, низкие, топкие. Но дальняя протока была нормальной. Добирался на катере, по протокам. Там Марьина дыра, пятьдесят километров. Потом – по Большой Оби, двадцать километров. И попал в шторм. Волны высокие, между ними оказываешься – как между двух домов. Плыл на лодке-казанке дюралевой, мотор двухцилиндровый, бак десятилитровый. Справился».



На фото: папа, мама и я. 1963 год

Папа не раз вспоминал ту невероятную поездку, в которую пустился, чтобы увидеть свою первую дочь. Там был страшный момент, когда мотор заглох, и отец пытался его завести, тщетно дёргая шнур. Его быстро несло на баржу. И разбило бы о борт, если бы он, сохраняя хладнокровие, не пытался снова и снова оживить мотор. И буквально в считанных метрах мотор завёлся! Папа мой, слава Богу, остался

жив!

Родители позже вернулись в Мужу. Бабушка с дедушкой, тётки приезжали в гости. Все меня любили, просто был океан любви, дал Господь, чтобы напитать на всю последующую жизнь.



На фото: с тётей Гутей.

Переезд в Читу

Тётя моя, Августа Павловна, рассказывала, что дедушка Павел заболел, пенсию получил по инвалидности и решил увольняться, переезжать с бабушкой, Еленой Ивановной, в Читу. К тому времени три тётки мои, Зоя, которая уже была замужем за геологом Рудольфом Владимировичем Балакшиным, Августа и Люба жили в Чите, Ольга с мужем Виктором – в Ленинграде.

Мои мама с папой тоже решили ехать в Забайкалье. И началось путешествие через всю страну, из Тюменской области в Читинскую.

Мне шёл второй год, а я помню поезд, коридор и вереницу окон, а за окнами – белое пространство, залитое солнцем! И помню музыку, что звучала по радио, название которой узнала много лет спустя — «Неаполитанская песенка». Почти сутки ехали вокруг озера Байкал!

Мама как-то вспоминала, что бережливая Елена Ивановна захватила все свои чугунные сковородки. Тяжесть была невероятная.

Зое к тому времени дали квартиру, но она уехала к мужу Рудольфу в экспедицию. Пришлось всем расположиться в квартире, которую снимали Гутя с Любой. Жили они в полуподвальной квартирке, почти вровень с землёй. Было две комнаты, одна большая, вторая – крошечная, в ней только

одна кровать помещалась.

В квартире этой Гутя с Любой прожили четыре года. По словам тёти, у дедушки была пенсия 50 рублей, у бабушки тоже, сама Гутя в садике работала, заканчивала пединститут, получала 45 рублей, у Любы была стипендия 20 рублей. Дед решил искать работу. Инвалидность давали на один год. Ходил по организациям, нигде его не брали.

Квартира была очень холодная, печь топили дровами, которые надо было пилить, колоть, складывать в поленницы. В сильные морозы Зоя звала жить к себе. А над подвалом, на втором этаже, жили Токаревы. И жаловались – когда вы не ночуете дома, у нас полы ледяные. А натопите – и у нас тепло.

Я помню этот подвал и комнатку эту. Там стоял узенький диван и висел яркий полосатый коврик на стене, а в подвале – полутемно. Прожили там совсем недолго.

После окончания школы, когда училась в Чите, всё мечтала найти этот дом. Но тщетно. Догадалась спросить у тёти. Она рассказала, что дом давно снесли.

Кадая

Рассказывала Августа Павловна, что в то время районы делились на сельские и промышленные. Папа решил ехать с семьёй в промышленный район. Выбрал село Кадая. Там жили ссыльные, и, как потом выяснилось, был радиоактив-

ный воздух, пыль, вода, открытые рудники... Туда, следом за нашей семьёй, уехали и дед с бабушкой. Бабушка водилась со мной, папа с мамой работали. Дедушка, приехав из Кадаи, заболел, и у него случился второй инфаркт. Лежал в больнице, сердце обкалывали новокаином, Гутя с Зоей навещали его. Выписался, поехал за бабушкой.

У Зои была знакомая портниха, у которой жил пёсик Топсик, коричнево-шоколадный, с длинными ушками спаниель. Портниха уехала в отпуск, а пёсик жил в комнате с бабушкой. И так привык к нему, что не захотел жить у прежней хозяйки. Позже, едва выводили на прогулку, вырывался и бежал к дому деда. В конце-концов дедушке его и отдали. Я помню этого чудесного пёсика.



На фото: мама, бабушка, папа и я.



На фото: дедушка, бабушка, папа и я.

В Кадае мы ходили на ферму за молоком. Шли с дедом долго вдоль большой зелёной горы. По каким-то мосточкам, журчала синяя вода. Кругом всё было усеяно коровьими лепёшками, и я всё повторяла: «Каки много-много».

Случай с трактористом

Этот случай мне рассказала бабушка. Я, маленькая, стояла в кроватке, и вдруг бабушке пришла мысль забрать ме-

ня из кровати, и унести в кухню. Она взяла меня на руки, и только вышла из комнаты, как раздался удар, дом содрогнулся, раздался треск.

Заглянув в комнату, бабушка увидела, что из стены торчит бревно, которое прошло над кроватью. Пьяный тракторист на тракторе врезался в угол дома и выворотил бревно.

Сестра Леночка

Папа с мамой пошли в отпуск и начали искать другую работу. Решили ехать в сельскохозяйственное поселение. Выбрали Талачу, в которой прожили около трёх лет.

Мама с папой решили, по совету тёти Зои, поступить в педагогический институт, на заочные отделения. Мама – на факультет русского языка и литературы, папа – на факультет географии-биологии. Даже успели вступительные экзамены сдать.

Мама почувствовала себя неважно, прекратились месячные, и отправилась к гинекологу. Причём, по паспорту Гути, так как прописки в Чите не было. Она в то время кормила меня грудью, и даже помыслить не могла, что забеременела!

В семье считалось, что, пока женщина кормящая, происходит «замена», и забеременеть нельзя. Оказалось – беременна, да ещё срок большой. 17 ноября 1964 года родилась моя сестрёнка Леночка, драгоценная моя душа. Разница между нами всего год и четыре месяца.



На фото: сестра Леночка. 1964 г.

Бабушка с дедом ездили каждый месяц в Читу, за продуктами. Возвращались в Талачу, подолгу с нами жили. Папа учился в пединституте заочно, ездил на сессии. Мама работала в начальной школе, и некоторые ученики до сих пор помнят свою первую учительницу.

Трудно было с двумя маленькими дочерьми? Ещё бы! Но мама была человек неунывающий. У нас не выводились девочки-помощницы.

Дом в Талаче

Талача — небольшое село в Забайкалье. Сопки, деревянные дома, высокое забайкальское небо. Дом — большая комната с печкой. Вместо перегородки — штора, в квадратах-кружочках. Когда перед побелкой мама снимала штору и занавески с окон, дом становился просторным, огромным. Мы с сестрёнкой носились кругами, пробегая за печкой.



На фото: в Талаче. Мама в шапочке. Рядом в платке Валентина Андреева, соседка.

Стены домика были без штукатурки, бревенчатые, между ними были прибиты реечки. На стенах, высоко, висели воздушные шарик, до которых мы не могли добраться и просили маму дать их нам поиграть.

Мебели было совсем немного. Большой стол, кровати, на кухне шкаф с дверцами, в котором мы любили устраивать себе домик, в котором двери открывались и закрывались.

Летом огород, засаженный картошкой, украшали высокие подсолнухи. По тропинке через огород можно было спуститься к небольшой речушке, в которой мама купалась, а девочки-школьницы за нами присматривали. Мама расстилала покрывало, мы играли, мама читала книжку.

Мамино творчество

Мама шила из ткани игрушки. Однажды сшила из зелёного фетра лягушку с красным ртом. Её и сестрёнка помнит!

Однажды зимой мама решила испечь пряники из молочной смеси, что купила в магазине. Испекла. Они получились такими твёрдыми, что никто их не мог разгрызть. Выбросили пряники за огород, в снег. Весной снег растаял, пришли соседские свиньи, нашли прянички. Пытались разгрызть, но и у них ничего не получилось. Катали во рту, словно камеш-

ки, потом выплёвывали.

Пряник

Как-то я, трёхлетняя, отправилась к соседям в гости. Смотрю – пряник лежит на краю стола. Коричневый, облитый глазурью. Недолго думая, взяла этот пряник – и в рот. Дома мама строго спросила:

— Кто пряник дал?

— Никто, — честно ответила я, — взяла.

— Иди и отдай! Воровать нельзя! – и мама отправила к соседям.

Горько лия слёзы, я понесла замусоленный, надкусанный пряник соседке. Та всплеснула руками:

— Кушай, деточка! Не возьму я этот пряник! – и она побежала к маме. Мама была неумолима. Да мне и самой пряник этот в горло не шёл. Очень хороший был урок, на всю жизнь.

Детские сны

И ещё я помню сны Яркие, в одном видела себя со стороны, у меня были прямые тёмные блестящие волосы шапочкой до плеч – моя постоянная причёска, судя по фото. Я сидела под навесом, а ведьма втыкала кнопки мне в голову.

Было совсем не больно.

А другой сон был трагический, длинный, с продолжением. Вокзал, мама с Леной-сестрёнкой уходят, а я не могу их дозваться. Вижу их в окно, выбегаю – нет никого. Просыпаюсь, засыпаю снова, вижу, что уходят, и догнать не могу.

Ещё был сон, как серые волны начинают подниматься от пола почти до потолка. И я едва успеваю выбежать из комнаты.

Ножницы

Одно время жил в доме заяц. Отец из леса принёс. Он скакал по всему дому, сыпал круглые горошины. Если на пути встречалась штора, он не обходил её, не пролазил под ней, а острыми зубами, привыкшими грызть траву, прогрызал аккуратную круглую дыру, в неё и пролезал.

Уже давным-давно зайчика в доме не было, но если я, осваивая ножницы, вырезала что-то не то, перекладывала вину на зайца. Помню, лежу на кровати, перед глазами – коврик с оленями, а по нижнему краю – золотистая бахрома. И вот уже режу ножницами эту бахрому, и витые ниточки красиво сыплются вниз.

— Кто это сделал?

— Зайчик!

Мама прятала ножницы от нас, однажды подвесила к потолку. И ведь мы, соорудив конструкцию из стола и стульев,

достали!



На фото: мы с сестрёнкой в Талаче.



На фото: Сестра Лена и я, 1967 год.

Алыгджер

Летом 1968 года, когда мне почти исполнилось пять лет, семья собралась и переехала в удивительное место. Отец окончил институт, и его назначили директором школы в село Алыгджер Нижнеудинского района Иркутской области.

Без сомнения, жизнь в таёжном горном селе, куда только на самолёте-вертолёте можно было добраться, стала самым интересным, сказочным периодом в моей жизни. У меня есть отдельная небольшая повесть об Алыгджере. Поставлю её тут, и дополню тем, что осталось «за кадром».

Самолёт

В этот день тофалары (тофы — северная народность) с раннего утра сидят в аэропорту. Ждут самолёт с ценным грузом – водкой. Тофы смотрят на вершины гор, шуря и без того узкие глаза.

Горы далеко, но высокие. Кажется, что они со всех сторон обступают маленький аэродром. Взгляды скользят по сизой щетине лесов, мшисто-серым скалам и упираются в голубое небо. Вот-вот появится серебристый крестик и послышится долгожданный рокот

Выходит начальник аэропорта, толстый русский мужчина.

Обводит взглядом лётное поле в пучках жухлой травы, длинную изгородь из березовых жердей, красно-белые флажки, мужиков, сидящих на бревнышке у изгороди Тофы нервно ёжятся. Ничего не говорит, уходит к себе.

У него в аэропорту свой кабинет, с полированным столом и мягким креслом, картой на стене. В зале ожидания, уютном и теплом, стоят разлапистые листья в кадках. Там на скамейках маются один-два пассажира. Можно было бы зайти, посидеть, но боязно – вдруг начальник заругается. Были бы они пассажиры – другое дело. Тогда все законно: билет, чистая одежда, сумка или рюкзак. Сразу видно – человек в город собрался

Когда прилетит этот самолёт! Вон и подвода готова, стоит неподалёку. Конь уже привык, не пугается рева приземляющегося чудища.

А как выгрузят ящики, мужики, держась руками за края подводы, проводят долгожданный груз до магазина. Вечером село будет пьяным. Праздник.

Тофы давно живут в бревенчатых домах. Но почти в каждом дворе стоит чум. Жерди, покрытые оленьими шкурами. На земляной пол брошен какой-нибудь ковёр. Ковры здесь не для того, чтобы на стенках висеть. Дома обстановка не богаче. Тряпье на кроватях, кое-какая посуда на столе. Ребятишкам из бедных семей, а таких большинство, перед школой от комитета выдадут одежду, и остригут каждого школьника наголо.

В селе своя пекарня и «электростанция», то есть движок. Свет, жёлтый, мигающий, горит до двенадцати ночи. Потом его отключают. По ухабистым улицам ездит, громко рывкая, гусеничный трактор. Маленькой я ужасно его боялась. Пряталась под столом на кухне, пока не проедет мимо. Связь жителей с внешним миром – самолёт. Небольшой, пассажиров на восемь, не считая пилотов.

Мы с мамой летали как-то в больницу, в Нижнеудинск. Сначала было тревожно, но интересно. За круглым окошком качались лесистые кромки гор. Потом началась тряска, стало не до зрелищ за окошком. Нам дали зеленые бумажные пакеты. Мне казалось, что у них и запах такой: чтобы поскорее вырвало. Потом увидела такие же пакеты в магазине и удивилась: тут-то они зачем? Чтобы покупателей тошнило?

Кипит!

Было мне пять лет. У родителей – работа, таинственные партсобрания. Они ушли зимним вечером, мы остались вдвоём с сестрёнкой. На печке – кастрюля с картошкой. Накануне на плите кипятилось молоко, убежало, столько было дыма, охов и ахов! И вдруг вода в кастрюле начала кипеть и плескаться, с шипением, на плиту!

Я – в панике! Забралась на ящик с бельём, открыла форточку и начала орать в темноту:

– Мама! Ки-пит!

Здание сельсовета – в конце улицы. Кто-то услышал, сказал родителям. Когда мама ворвалась в дом:

— Что, где горит? – соседка уже отодвинула злополучную картошку на край плиты.

Ночное страшилище

Моя кроватка, железная, выкрашенная голубой краской, стояла в проходной комнате. Ночью открывала глаза и видела, что вверху, над шифоньером, горят два глаза. Яркими звёздочками, немигающе. Особенно ярко они смотрели в лунную ночь. Я боялась и пряталась с головой под одеяло.

Утром я забывала про ночные страхи. Ночью снова чудище-страшилище глазело на меня.

Но однажды я вспомнило о нём днём! И храбро пошла посмотреть, нет ли кого-то на шифоньере? И увидела! Там был чемодан с двумя блестящими замками! Так вот кто меня пугал ночью.

Теперь, просыпаясь, я напоминала себе, что это всего-навсего чемодан блестит замочками, но всё равно было неуютно.

Колодцы и доски

В общей сложности прожили мы в Алыгджере три года. В

первый год мы с сестрёнкой обследовали ближайшие окрестности.

В первую очередь обнаружили склад досок, которые сложили для просушки в виде огромной решётки, и мы с сестрой забирались в квадратные «колодцы». Они пахли сосной. Таинственное, опасное и интересное место для игр.

Потом мы бродили по полуразрушенному барaku, доски пружинили под ногами.

Детский сад

Летом мама увозила нас с сестрой в детский садик на велосипеде. Меня пристраивала на багажник, постелив, для мягкости, сложенную в несколько раз ткань. Лену усаживала на рамку, привязав свёрнутое в рулон одеяльце. Зимой возила на санках.

Утром воспитательницы, не обращая внимания на нас, малышню, делали себе причёски перед зеркалом, начёсывая волосы в пышные шары. Мы глазели заворожённо.

Я ненавидела суп из рыбных консервов, называла его «суп из щуки». Как только меня не заставляли его съесть, я сидела с зажатым ртом. Все дети давно играли, а я одна сидела на стульчике, перед остывшим ненавистным супом и не притрагивалась к ложке.

Что только не делали – и ругали, и уговаривали, и принимали в «Общество чистых тарелок», как завещал дедушка

Ленин, ничего не помогало, я не ела то, что не нравилось, и меня оставили в покое.

Дедушку Ленина все любили, потому что рассказы о нём были сказкой. Воодушевлённо пели: «Утром в наше окно. Входит солнечный свет, жарко льются лучи на знакомый портрет». Скорее всего, эту песенку мы исполняли в школе. А в садике, вот это точно помню, наряжались в сарафаны, завязывали платочки и дружно запевали, притопывая и прихлопывая:

Мы – веселые матрешки. Ладушки, ладушки! На ногах у нас сапожки. Ладушки, ладушки!

Перед обеденным сном мы должны были обязательно помыть ноги. Нянечка ставила таз с прохладной водой. Мы развешивали одежду на стульчики, шли в трусиках и маечках, ступали ногами в этот таз, потом на полотенце, и бежали к железным кроваткам с матрасами, одеяльцами, подушками. Спать не хотелось, но лежали смирно. Я потихоньку разглядывала всё вокруг, но глазу не за что было зацепиться – белёные стены, спинки кроваток. Сестра Лена была в соседней группе. Туда не пускали, и я скучала по ней.

Родителям иногда нужно было улетать в город, или какие-то другие у них были дела, и нас с сестрёнкой оставляли ночевать в детском саду. Сестра Лена боялась, ночью приходила ко мне в группу, и мы были вместе. Я тоже спала тревожно, хотя в игровой комнате, по совместительству столовой, горел свет. На стенах нависали огромные тени. Грустно

вспоминать про эти ночёвки.

Ещё я помню любимый сарафанчик, который сшила мама, и в нём я ходила в сад. Он был чёрный, с кармашком впереди, из него росли цветы из ткани и вышитые стебельки. Особенно мне нравился голубой колокольчик. А в кармане была половинка белой таблетки, мама дала выпить, если будет болеть голова. Я не выпила, и таблетка долго жила в кармашке.

В детском саду обитала черепаха, зимой уползала за печку и впадала в спячку, до весны.

Река Уда

Все ребята купались летом в ручейке, рядом со старой баней. Нас, малышню, старшие пугали конским волосом, но мы, поборов страх, снова лезли в воду.

Моя ровесница, Маринка Шибкеева, водилась с младшим братом. Усаживала его, голозадного, на траву и полоскала рядом с купальщиками очередные штанишки. Она повсюду таскала брата с собой, и нами это воспринималось как само собой разумеющееся.

Мальчишки постарше баловались с ванной, опрокидывая её над головой вверх дном. Во время этих забав сестрёнка моя, Лена, чуть было не утонула. Мальчишки её вытащили, привели в чувство и наказали не говорить маме. Самостоятельные были дети, что и говорить.

А за селом, вдоль тёмной таёжной стены, катила волны студёная, широкая Уда. Река горная, коварная, каменистая. Взрослые ездили на ней на моторках. Мы любили лазить по этим звонким, тёплым лодкам, лежащим на берегу. Повсюду валялись причудливые коряги. Фотография сохранилась: сидят на такой коряге две детсадовские воспитательницы, моя и сестры Лены. До драки доходило, когда мы выясняли, чья воспитательница лучше. Если честно, что я до сих пор уверена, что моя красивее.

Зимой наш детский сад водили гулять на речку. Мы робели: под ногами несколькометровая прозрачная жуть. А если лечь на живот и всмотреться в глубину, то уже не страшно. Стукнешь камнем по льду – и в нем замирают разноцветные вспышки.

Берег был усыпан крупной галькой. Мы стучали камнем о камень, «добывали искры», а потом нюхали – камни после ударов пахли дымком. Мы эти камни умудрялись приносить и в садик, стучали потом за огромной печью-голландкой.

Вдоль берега тянулась высокая насыпь. Зимой на этой насыпи заливали «катушки», каталось все детское население. Причём обычно – на кабарожьих шкурах, тёплых и прочных, коих в каждом доме было навалом. Шкура уносила далеко, чуть не до середины реки.

Наводнение

То лето выдалось необычайно дождливым, и насыпь не уберегла село. Началось наводнение. Помню, папа поставил в сенях лестницу и ножовкой выпилил в потолке квадратную дыру. Через неё на чердак подняли узлы с бельём, книги, раскладушку

В опустевшем доме стояли голые кровати, стол, шкаф. Началось великое приключение: мама, папа, сестра, я и приехавшая не вовремя погостить бабушка перебрались жить под самую шиферную крышу.

Снаружи творилось небывалое. Банька, у которой мы любили играть, стояла в низине, и теперь её скрыло водой вместе с трубой. Все пространство над баней, нашим ручейком, дорогой и тропинками сразу за огородом превратилось в безбрежную, до самого аэродрома, бурлящую, мутную реку. По ней непрерывно плыли бревна, полешки дров, сено, деревья со вздыбленными корнями, ветхие стаечки, на которых кудахтали мокрые куры, а в одной плавучей избушке визжал поросёнок.

Взрослые рассказывали потом, что утонуло трое людей. Два мужика поплыли к третьему, спасти самогон. Спасли и распили на месте. А на обратном пути не справились с управлением

На крыше мы переночевали две ночи. На третий день на-

блюдали с крыши, как вода подбирается к нашему дому, перетекая через рядки с картошкой. Накопится в одной канавке, и – бульк, бульк – неудержимыми ручейками перетекает в следующую. Папа ходил по огороду в огромных резиновых сапогах, ставил колышки: «замерял уровень воды и скорость движения». Такими словами он объяснил нам потом, что делал.

Вода, дойдя до завалинки, остановилась. А вскоре потихоньку пошла назад, превратив огород в подобие дна осушенного моря: рядков не было. Всюду валялись, как маленькие осьминоги, красные и жёлтые картофелины, опутанные тиной.

Дома было сухо, но в подполье, сразу под крышкой, мерцала чёрная вода. Казалось – там дна нет.

Вечером мы с мамой пошли искать корову. За день до наводнения все коровы, переплыв реку, ушли в лес. И все собаки, что не были на привязи, убежали.

Мы шли берегом реки и ничего не узнавали! Очертания берегов изменились. Повсюду валялись жуткие деревья, вырванные с корнем, облепленные тиной. Те деревья что уцелели, выше роста взрослого человека были в грязи. Галька у реки была покрыта слоем серого ила. Появились незнакомые камни-великаны. Как в страшной сказке

Корову мы, конечно, не нашли. Через день или два она пришла сама, с распухшим выменем, и ревела, как труба

Горы

Папа рассказывал: горы, особенно ближе к вершинам, все время разговаривают. Шуршат, нащёптывают. Камни на открытых местах, обдутые ветрами, промытые дождями, шевелятся, сползают. Нет-нет, да какой-нибудь камешек катится вниз, увлекая другие за собой, и замирает вдруг. Тут же неподалёку скатывается другой. Бывают грозные камнепады, откалываются валуны и летят вниз, с диким грохотом, который повторяет многоголосое эхо.

По весне на крутых склонах выжигалась трава и ветошь. Когда сгущались сумерки, огонь жил в лощинах, длинных извилистых овражках и впадинах. Получалась необыкновенная картина. Издалека казалось, что гора изнутри наполнена огнём и стала трескаться, из каждой трещины вырывается пламя. Вот-вот она с небывалым грохотанием рухнет, раскатится на тысячи кусков

А днём глядишь – стоит себе гора, как ни в чем не бывало, чернея выжженными квадратами.

Покос

Как-то раз меня взяли на покос. Кругом была красота. Под шаткими берёзовыми мосточками шумели на острых камнях

ледяные речки. С горы сбегали, шумя, водопадики. Вокруг темнели деревья, на полянах цвели необыкновенно яркие, но совсем не пахучие цветы: оранжевые жарки, багровые лилии, огромные сиреневые венерины башмачки, фиолетовые ирисы Папа говорил, как какой цветок называется, а мама протянула мне пучок длинных узких зелёных листьев с белыми луковками:

— Это черемша. А вон там видишь большие листья? Это – ревень.

Мы шагали мимо копёшек сена, обнесённых берёзовыми жёрдочками. Папа шел впереди, с ружьем и рюкзаком за плечами, за ним – я, следом – мама. Я все ждала: вот-вот выйдет медведь. Но с мамой и папой ничего не страшно!

Медведь не вышел. А медвежат я видела, и не раз. Их привозили охотники. Медвежата сидели в коробке и ждали, когда их отвезут в зоопарк или в цирк.

Собаки

Папа, когда мы переехали в Забайкалье, долго мечтал съездить в Алыгджер и привезти оттуда собаку-лайку.

Лайки там огромные, серьезные, спокойные. Наши собаки любили лежать у крыльца, уложив тяжёлые головы на лапы, и ни на кого не обращали внимания.

Но это до тех пор, пока вокруг дома не было ограды. Люди ходили мимо нашего дома в магазин, под окнами была

тропинка. Но забор понемногу строился, и вот, когда осталось закрыть досками последнее прясло, собаки лениво поднялись, одна за другой прошли вдоль изгороди. И с того момента никого не пустили во двор.

Подвыпившего тофа загнали на забор, и, пока не вышла мама, он сидел там, уже трезвый, и ругался по-русски. А лайки, несмотря на своё название, молча, внимательно смотрели на него, сидя внизу.

Изо всех наших собак я запомнила чёрно-рыжего Байкала. Он грыз все подряд. Съел рукава у свитерочков, которые мы с Леной оставили на улице. Добрался до наших деревянных качелей и превратил их в щепочки. А так очень даже мирный был псин.

За молоком

Мы с Леной, взяв бидончик, ходили за молоком. Две крохи шагали по мостику над журчащей речушкой, через лесок, по дороге в аэропорт. Издали разглядывали огромный заржавевший остов самолёта, что лежал в траве.

Заходили в чистенькую ограду – ни травинки. Ждали, когда хозяйка позовёт. Она наливала парное, с шапкой пены, почти горячее молоко в бидон.

Однажды кто-то из нас споткнулся на мостике, там была гнилая доска, и молоко разлилось. Мы пошли обратно, к хозяйке.

Но второй раз она не наполнила бидончик, велела идти и сказать маме. Отправились мы, плача, домой. После этого мама ходила за молоком сама.

Я не помню, чтобы тогда нас сильно наказывали. Но однажды появился подвыпивший тафалар. Просил деньги на выпивку. Никто денег не дал. Я, вежливая девочка, сидела на заборе, и крикнула ему вслед:

— До свидания! Приходите к нам ещё!

Как меня ругали! А Лена переживала за меня, понимая несправедливость их возмущения.

Витамишки

Сладким нас не баловали. Однажды мама дала витаминки, и спрятала пузырёк в комод. Когда родители ушли, мы с Леной достали две бутылочки с витаминами и, то радуясь, то морщась – разные были слои в жёлтых горошинах, начали их катать во рту и раскусывать.

Съели всё! И никто бы не узнал, но к вечеру обе покрылись красной сыпью.

Две бутылочки валялись под кроватью. Как нас ругали! А вкус восхитительных сладко-кислых шариков до сих пор помню.

Карандаши

Мы очень любили рисовать. Карандаши – по 24 штуки в коробке, и там, кроме обычных цветов, были волшебные – бирюзовый, розовый, жёлто-лимонный и даже белый! Но они вечно куда-то терялись.

Однажды летом папа взялся ремонтировать пол. Отрывал доски и сбивал их плотнее, убирая щели. Как-то он вошёл в комнату, загадочно улыбаясь. И вдруг протянул нам с сестрёнкой обвязанную резинкой толстенную пачку карандашей! Как сейчас помню, пачка эта была сантиметров десять в диаметре. Насобирали под полом, они сваливались, закатываясь в щели!

Рисовать я любила очень, всегда. Сюжеты были разные. Особенно, как всем девочкам, нравилось изображать царевен в коронах. Однажды нарисовала высокую горку, по которой на санках скатывались дети. А в самой горке были черти с вилами, которые жгли костёр, и над ним – чёрный котёл. Что это, откуда? Верующая бабушка что-то рассказала?

Пасхальное утро

Рассказ сестры Лены.

Сестре Оле 5 лет 8 месяцев, мне 4 года, 5 месяцев.

Весеннее утро. Проснулись с сестрой, родителей дома нет, они на работе. Завтрак на столе, манная каша. А ещё гора посуды. Мы поели и стали эту посуду мыть. Налили в два тазика тёплой воды и начали играть. Сначала стаканы и кружки шли в тазик к Оле, потом ко мне. Искушавшись у меня, они иногда возвращались в первый тазик. Затем тарелки ходили туда-сюда. А когда дошла очередь до ложек и вилок, они разделились, как в общественной бане на мальчиков (вилки) и девочек (ложки), и стали мыться одни в одном тазу, другие в другом. Но вода уже остыла, в ней плавал жир от вчерашних суповых тарелок, и было невозможно отмыть ни ложки, ни вилки.

Окно кухни выходило в ограду. Оля заметила, что в ограду вошли двое. Я выглянула и увидела пожилого мужчину в плаще. Оля закричала:

— Дедушка приехал! С ним какой-то мальчишка.

Мы, не сговариваясь, бросились убирать в спальне бардак, но успели только скинуть в угол разбросанные вещи.

Дедушка помог нам убрать со стола. Объяснил, что мальчика зовут Валера, он из Ленинграда и он наш двоюродный брат.

Дедушка стал распаковывать сумки и достал куриные яйца, выложил их на тарелку. Они были красные и синие. Эти яйца произвели на меня неизгладимое впечатление. Тогда я от дедушки впервые узнала, что есть такой православный праздник – Пасха.

Дедушка Павел

Дед, Павел Михайлович, очень меня любил. Ставил на табуретку, объявлял: «Выступает артистка Советского Союза Оля Храпова!», и я пела или громко читала стихи:

Барабанит, барабанит, полтора часа подряд! Левой, правой! Левой, правой! Барабан уже дырявый!

Дедушка с удовольствием хлопал. Маме не нравилось, она говорила, что он испортит меня, что я загоржусь. Как можно испортить любовью, игрой? Любви очень не хватало, мама была вечно занятой и отстранённой, а отец тем более. Поэтому, когда дед умер, а было мне в ту пору лет восемь, я плакала и тосковала.

Дед усаживал на колени, угощал сгущёнкой. Мы с дедом вместе ели колбасу так: мне мясо, ему крупные куски сала, которыми была нашпигована колбаса. Мне яблоко, ему огрызок. Помню, как он раскалывал крупный белый кусок сахара. Стучал по нему тяжёлой металлической ручкой вилки, и кусок рассыпался на мелкие, острые, ослепительно белые и очень вкусные кусочки. Угощал нас жареными беличьими лапками! У него голодное было детство, многое мог съесть без предрассудков. А мы, ребятня, не вникали в мелочи жизни.

Отвечал на наши просьбы: «Будет тебе дудка, будет и свисток». Он собирал нас, внучат: Валеру, сестрёнку Лену, ме-

ня, и мы ходили весной за берёзовым соком, летом на рыбалку, осенью за грибами. Мы бродили по светлому, золотистому, просторному лесу, и старались не потерять дедушку из виду.

Помню, как-то были в городе Нижнеудинске, с дедушкой спускались по лестнице в залитое ярким светом подвальное кафе. А позже в Чите с ним ходили в пельменную. Рядом с дедом всегда было уютно, надёжно, празднично. От его коричневого плаща пахло кожей и табаком.

Золотые часики

Недавно вспомнила, что на моё семилетие дедушка подарил золотые часики на белом кожаном ремешке. Я, конечно, совершенно не понимала ценности этого подарка. Любовалась часиками, как чудесной игрушкой. Со светлым овальным циферблатом, с витыми блестящими ручками по бокам, непередаваемого розоватого цвета, блестящие. Красота. Часы болтались на моём тонком запястье, и я их выронила у зимнего колодца, в ледяную воду. Мама подобрала, принесла домой. Циферблат потемнел, они больше не тикали. Хранили их, как бесполезный сувенир.

Уже была взрослой, когда решила отремонтировать. Но за годы вся начинка заржавела и рассыпалась. Часики всплыли в памяти вдруг, как знак дедовой любви. Бескорыстной, безусловной, живой, которая и сквозь годы обогревает своим

неиссякаемым ласковым светом.

Тётя Аня

Мамина сестра, Анна Зиновьевна Сатюкова (15.08.1931 — 05.02.1974) приезжала в гости, вернее прилетала на самолёте-кукурузнике, с дочкой Светой.

Как мы любили родную тётю! Она нас называла «внучаточки мои», а Света ревновала.

Тётя Аня была крупной, ласковой, тёплой. Мы любили сидеть с нею в обнимку или ходить на прогулки.

Как-то отправились в лес за ягодами, и я наступила на трухлявую берёзу, в которой жили осы. Они тучкой вылетели, стали носиться, с гудением, вокруг.

Несколько штук цапнули меня, и тётя Аня, плача, бегом принесла меня, опухшую, на руках домой. Всё обошлось, но с тех пор я в лесу ни за что не наступаю на старые трухлявые берёзы под ногами.

Тётя Аня умерла рано, от рака. Мама боялась, что она тоже не проживёт больше. Но пережила сестру на полтора десятка лет.



На фото: тётя Аня несёт меня через ручей.



Снимок на память. Слева направо: тётя Аня, Света, мама, ниже я и сестра Лена.

Мамина подруга

У мамы в Алыгджере была подруга. У неё в доме всегда была чистота, пол застелен полосатыми половичками. Она нет-нет, да и проходила по дому с веником и совком. У нас такой сверхчистоты отродясь не было. Хотя мама мыла полы, загнав нас на диван, чтобы не мешались.

Подруга угощала нас домашним печеньем, необыкновенно вкусным. Круглые печенья, с дырочками, наколотыми вилкой. Мы с сестрёнкой играли, считали, у кого сколько дырочек на печенюшке. А подруги пили чай за столом.

Мамина приятельница работала где-то в торговле, и у неё дома, в тёмном уголке, стоял бочонок с ароматным подсолнечным маслом. Она наливала масло для мамы в зелёную стеклянную бутылку.

Мне нравилось ходить в гости. А папа был недоволен. Он, мы смутно понимали это, маму ревновал, ко всем на свете. К какому-то учителю-художнику, который нарисовал портрет папы в шляпе, карандашом. Прекрасный портрет. И натура тоже. Папа был красив.

Когда у отца было хорошее настроение – для всей семьи был праздник. Он играл на гитаре, пел романсы. Родители любили сказку кошкин дом, часто читали наизусть. Папа рассказывал сказки очень интересно, с продолжением, с новыми подробностями. Никогда не повторялся. Мы очень любили их слушать. Позже баловал своих внуков чудесными историями с продолжением.

Заболела

Весной 1969 года мы с сестрой простыли. Виноваты сами были, бегали по снегу босиком, на спор, кто дольше пробегает. Помню участки мокрого снега на коричневой земле и

наши отпечатки босых ног. Мне шёл шестой год, Лене было четыре. Обе заболели. Не знаю, как и чем нас лечили, но я заработала осложнение. Отказали ноги. Воспалились косточки в голеностопах. Ползала на коленках, больно было вставать. В августе мама повезла меня в Нижнеудинск, в больницу. Оставила там лечиться. Лена очень без меня скучала.

Определили – ревматизм. В больнице был мой День Рождения, исполнилось шесть лет. Помню, как дети отобрали печенье, что оставила мама. Обидно... Но зато как гордилась, когда при заборе крови из пальца меня поставили в пример:

– Посмотрите, – сказали мальчику старше меня, – она маленькая, а не плачет!

Вылечили, только косточки на стопах остались немного изменённые.

Что сказать о моей болезни... Ревматоидный деформирующий полиартрит — это заболевание, когда иммунная система ошибочно атакует здоровые ткани собственного организма, организм убивает сам себя. Причины её до конца не изучены, но известно, что в основе лежат переохлаждение и стресс. Да, я получила мощное переохлаждение в пять-шесть лет. А насчёт стресса... В детстве не помню особенных потрясений. Бывало, ругали, наказывали, как у всех. Когда подросла, лет с десяти-одиннадцати, стала всей душой реагировать на ссоры родителей. Дело дошло до того, я об этом сказала психологу на приёме, что в родительском доме постоянно думала: как хорошо было бы, чтобы я была, но ме-

ня как бы не было, во время семейных бурь хотелось стать невидимкой. Психолог воскликнула: «Это программа самоуничтожения!».

Болезнь дремала во мне до тридцати лет, а потом как поднялась, как обрушилась, и вторую половину жизни держит меня в своих крепких объятиях.

Пожар

В ту зиму мне было шесть, сестрёнке – пять. Помню, мама перемыла полы, настелила домотканые полосатые половики. Валенки поставила сушиться на приступок печи.

Ночью нас разбудили. Валенки были тёплыми, а пуговицы пальто никак не хотели застёгиваться под торопливыми мамиными пальцами. Света не было, но комната была озарена необычным трепетно-красным светом.

Сестру и меня вывели во двор. Горел соседний дом, от нашего его отделял небольшой огород. Папа убежал на пожар, захватив ведра. Там, у огня, сустились тени, в темноту красиво взлетали искрящиеся головешки, было весело и немного страшно.

Мама металась, выносила вещи. Какая-то соседка отчаянно колотила в окно с улицы, думая, что мы ещё спим. Мама рассказала потом, что она резко обернулась к окну, держа в руках ящик от комода, нечаянно задела ребристым краем стекло. Оно с треском рассыпалось, и соседка унялась.

Потом говорили все, что, на наше счастье, ночь была удивительно безветренной, и дом сгорел, как свечка. А причиной пожара была керосиновая лампа, опрокинутая пьяным тофом в чуме. Сгорел и чум, и дом. Уцелели тоф и ковёр на полу. Ковёр был настолько забит песком и грязью, что оказался не по зубам огню.

Позже мы с Леной, сестрёнкой, презрев мамины запреты: «Свалитесь в какое-нибудь подполье!», бродили по пепелищу. Стоял непонятный запах, и сердце билось. Из пепла торчали проволока и обгорелые гвозди, и ничего, чем можно было поиграть, мы не нашли.

Много лет спустя, мама на печке во дворе калила на железном противне землю для рассады. И я примчалась на этот жуткий и волнующий запах.

— Чем пахнет?!

— Горелой почвой, — пожав плечами, сказала мама.

Я вспомнила. Это был запах пожарища.

Маринкина бабка

Мы с сестрёнкой часто бегали играть через дорогу, к Маринке Шибкеевой, моей ровеснице. Приносили лоскутки — мама шила нам с Леной платишки, обрезки отдавала нам. Мы из тряпочек делали кукол, мама научила. Наряжали их в разноцветные платица, и очень их любили.

Бабушка Маринки Шибкеевой, высокая старая тофалар-

ка, зимой и летом ходила в тёмном длинном платье. Я думала, что она немая, и очень удивилась, когда услышала, как она бранит подружку мою.

Маринка рассказывала, что бабка, когда была молодая, одна ходила с рогатиной охотиться на медведя. И всегда приходила с добычей.

Ещё была история. Русский пастух, пьяница и сквернослов, покалечил бабкину корову, обломав ей рог и повредив глаз. А бабку, говорили, обложил скверными словами и замахнулся кнутом. Она и сказала:

— Год поживёшь.

Через год он помер. То ли от водки, то ли от страха.

К бабке шли, если терялась какая из животных. Тогда она выходила на высокое шибкеевское крыльцо без перил, прислушивалась к чему-то, замерев. Потом говорила, к примеру:

— Пеструшка твоя вон в той пади. Отелилась, телёночек при ей скачет

И никогда не ошибалась. Все бабку побаивались. А мы, маленькие, нет. Я знала, что она Маринку любит и нас, её подружек, не обидит.

Шаманка

Рассказ сестры Лены

В наши с сестрой обязанности входила покупка хлеба. В

одно летнее утро мы с сестрой, как обычно, вооружились авоськой, сетчатой сумкой, которая в сложенном виде напминала верёвку. Деньги доверили Оле, ей было уже почти шесть лет, и она умела считать. Мы зашли за соседской девочкой, Шибкеевой Мариной. Ей было шесть лет.

Магазин был неблизко, нужно было долго идти по центральной улице, которая пролежала параллельно речке. Речка Уда была каменистая и быстрая, на другом берегу были видны скалы.

Дойдя до магазина, мы попадали во дворик. С одной стороны дворика был продовольственный и продуктовый магазины, с другой – хлебный ларёк. Хлеб продавали на разный вес, булки были большие, и в авоську их входило только три штуки.

В этот день мы пришли рано, хлеб ещё не испекли. Пекарня была за ларьком. Ждать было скучно. Маринка предложила сходить, провести её бабушку. Та жила на берегу реки, недалеко от магазина.

Вход в домик Маринкиной бабушки был со стороны реки. Небольшое крылечко, дверь занавешена тёмной тряпкой. За дверью был небольшой коридорчик, и была ещё одна дверь, тоже завешенная. В неё прошла одна Маринка. В доме пахло топлёным жиром и шкурами. Запах был тяжёлый, густой, но не противный.

Бабушка встретила нас не приветливо, что-то стала кричать на непонятном языке. Мы испугались и все трое побе-

жали от дома вниз к реке. Там залезли в лодку и спрятались. Марина сказала, что бабушка ругала её за то, что она привела в дом посторонних.

Мы сидели, и не заметили, что лодку течением оторвало от берега и понесло. Я видела, что на крылечко выбежала Маринкина бабушка. Она махала худыми коричневыми руками. Лодку развернуло и прибило вновь к берегу, ниже по течению. Мы благополучно вылезли и убежали.

Дома об этом происшествии не рассказывали, так как знали: за такие проделки придётся долго стоять в папином кабинете возле печки в углу, да ещё гулять долго не отпустят.

Так состоялось наше первое знакомство с Шаманкой. Позже я от Маринки узнала, что её бабушка – шаманка, и у неё в служении духи от трёх её покойных мужей.

Взвейтесь кострами

Мама, как я понимаю, попав с восьми лет в детский дом, навсегда осталась в душе ребёнком. Детским лидером. Она очень любила что-то организовывать и вести за собой. Активно готовилась с учениками к праздникам. На Новый год в классах клеили длинные бумажные цепи, делали разноцветные фонарики и другие игрушки. Перед Первым мая мастерили цветы из бумаги, на демонстрацию.

Но самым впечатляющим был праздник на День пионерии. На поляне строился трёхметровый костёр из жердей и

веток. Днём играли, пели песни, а когда наступал вечер, темнело, торжественно разжигали костёр.

Пламя поднималось высоко-высоко, сыпало искрами, на лицах играли оранжевые отблески Языческий ритуал, потрясающий душу.

Мама и аккордеон

Отец, очень проникновенно, исполнял на семиструнной гитаре романсы. А мама умела и любила играть на баяне, аккордеоне, балалайке, мандолине.

Однажды она решила записать свою игру на аккордеоне. Принесла из школы катушечный магнитофон. Установила микрофон.

Мы от восторга прыгали на диване в соседней комнате. В итоге, когда мама включила запись, музыки почти не было слышно, её перебивали наши вопли.

Золотая рыбка

В Алыгджере был клуб, где силами местной молодёжи даже спектакли ставились. Мы, малышня, смотрели как-то «Сказку о рыбаке и рыбке».

Рыбка была толстая, в блестящем жёлтом платье. Нарисованное море волновалось, потому что кто-то за сценой отча-

янно трепал край холста. А Дед с Бабкой ютились в избушке, сооружённой из старых рам, которая сильно напоминала чум.

Сказка очень понравилась, и долго снилась по ночам, особенно рыбкино платье.

Новый год

Алыгджерская школа была большая, двухэтажная, новая. На первом этаже был спортзал. Там и проводились новогодние праздники.

С чьей-то лёгкой руки любимым новогодним костюмом был «черт». Каждый год, несмотря на усилия учителей разнообразить костюмы детей, вокруг ёлки собиралась целая армия чертей: в чёрных трикотажных костюмах, с верёвочными хвостами, рогами всевозможных размеров, с вымазанными сажей рожами. Черти, Дед Мороз и Снегурочка. Ничего себе Новый года, да?

Братик

Когда родился Паша, мне только-только исполнилось семь лет, я пошла в первый класс. Помню, как навещали маму в больнице. Через два месяца после рождения сына мама вышла на работу в школу. Бедного братика сдали в ясли. Я

и то своим детским умишком понимала, какое это страшное место. Все плачут, маленькие лежат по кроваткам, постарше – ползают в манежах. Серьёзные молчаливые нянечки ходят среди ора и шума. Мама прибегала на большой перемене, кормила грудью сына, и снова на работу.

Паша долго не задержался в яслях. Там он быстро начинал болеть, и его забрали домой, Лену определили ему в няньки. Он ревел, лёжа в кроватке, нянька забиралась к нему в кроватку, ложилась рядом, и они плакали на два голоса. Лена и в школу пошла с восьми лет, всё водилась с младшим братом.

Помню, как мы нянчились. Паша сидел в корпусе от летней коляски, что стояла на столе. Рядом на стуле – таз с водой, после стирки. Мама отлучилась за водой для полоскания, ушла на колодец. Девятимесячный Паша встал, покачнулся, потерял равновесие, и упал в таз! Вместе с тазом полетел на пол. Я схватила мокрого тяжёлого братишку, отдала брата сестрёнке, побежала за мамой...

Павлик

Рассказ сестры Лены

Утречком заглянула в соцсеть, в «Одноклассники», и увидела, что в друзья сделал заявку мой младший брат. Меня охватило радостное чувство. Такое, когда что-то теряешь и неожиданно находишь. Мне кажется, что где-то на подсознательном уровне у меня к нему остались материнские чувства.

Я вспомнила детство.

Пашенька, так зовут моего брата, родился, когда мне было пять лет и десять месяцев. Это был 1970 год. Удивительно, но молодое поколение не знает, что раньше мамочкам давали 56 дней после родов, и нужно было выходить на работу. Не работать было нельзя. В то время за тунеядство могли и в тюрьму посадить.

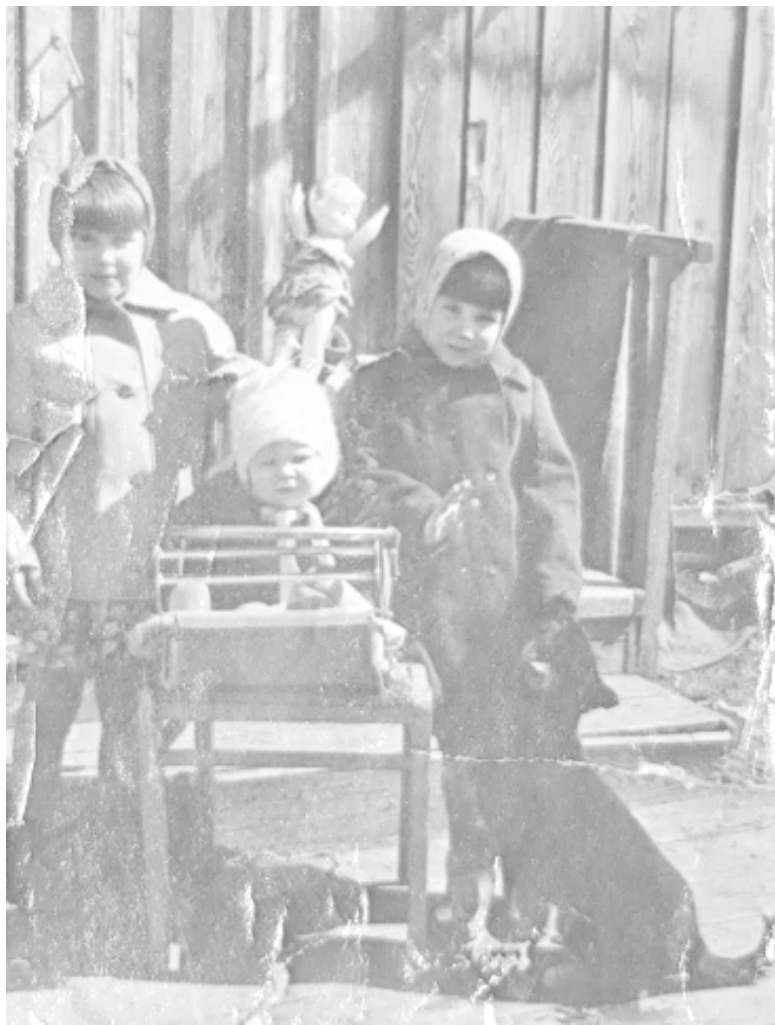
Я смотрела на братика, как на живую куклу. Коляски ещё не было. Мама положила свёрток на кровать, выбрав большую подушку. Сделала в середине углубление и положила туда свёрток с ребёнком. Он спал. Поручила мне за ним смотреть и ушла по делам. Папа и старшая сестрёнка Оля были в школе. Братишка проснулся и стал ворочаться. Он был крупным ребёнком и сильным. Сначала он освободил ручки, потом распинал пелёнки ногами, включил свой кра-ник, описал свою голову и всё вокруг. Мокрым ему лежать не понравилось, он стал кричать. Я испугалась и заплакала. Но никто к нам на помощь не пришёл. Пришлось перестать выть, вытащить из-под него мокрую пелёнку, укрыть его сухой. Может быть после этого, а, скорее, от безысходности, но мама всё чаще стала оставлять меня нянчиться с братом одну.

Утром мы с мамой относили Пашу в ясли. В яслях его сначала разворачивала врачиха и осматривала. Потом уносила в другую комнату, где были манежи, с деревянными ограждениями, как телятник. Детки в нём ползали. Пол был устелен

матрасами с клеёнкой, валялись игрушки. Самые маленькие дети лежали в кроватках. Детей было много. Кто гулял, кто ревел. Пашенька в яслях быть не смог, у него всё время после яслей начинался понос, маму вызывали, и она забирала его домой. Купили брату коляску. Она была большая, белая, с голубыми вставками.

Это сейчас коляски делают высокими, чтобы не нагибаться, а раньше они были низкими. Может от того, что присматривать за детьми было некогда, а выпадет – останется жив и здоров.

Всё бы ничего, но брат был тяжёлым, а во мне весу-то было мало. И когда я надорвала пуп, на подмогу вызвали бабушку Елену.



На фото: наша троица, я, брат Паша и Лена. 1971 год.

Эта болячка меня преследовала до рождения своих детей, а потом ночные кошмары, когда кажется, что тебе в живот вонзают палку с тупым концом и кричишь от боли, кончились. И не надо было всё время перевязывать пояс на уровне пупа.

По приезду бабушки снова вернулось детство. Бабушка пела песенки, рассказывала сказки, особенно часто про Крошечку-Хаврошечку и её коровку. Делала нам зайчиков из платков. И всё время выходила на улицу, провожать улетающие самолёты-кукурузники, тяжело вздыхала и говорила, что опять улетел без неё.

Потом был переезд. Слезы на завалинке школы, когда меня в семь лет в школу не взяли, так как яслей не было, а детский сад только с трёх лет. Брату тогда было два года.

Будильник

Осенью мне исполнилось семь лет. Я пошла в первый класс. Мама объяснила, что будильник показывает время:

— Видишь, осталось пятнадцать минут, и начнётся урок. Беги скорее — и так почти каждое утро.

Была я страшной копушей. Ещё в детском саду во время обеда что только не делали: и ругали, и в «общество чистых тарелок» записывали, но ничего не помогало — я поднималась из-за стола последней. И в школу собиралась не быст-

рее. А будильник с круглой рожицей смотрел на меня и был неумолим.

Я, как многие школяры до и после меня, сделала «открытие»: если повернуть ключик на задней крышечке будильника, то стрелки дарят лишние пять-десять минут.

И ведь это был не обман взрослых, я серьезно верила, что времени – прибавляется И только после строгого маминого объяснения поняла, что время – не обманешь, несмотря на сговор с будильником

Первый класс

Помню первую учительницу, её вытянутое узкое лицо. Мне кажется, её звали Анной Ивановной, впрочем могу ошибиться.

Ученицей я была примерной. Писала, считала, читала, мастерили что-то. Длинный метр клеили из бумаги в клеточку. На переменах я потихоньку ела печенье, которое прятала в кармашке фартука.

Осенью мы всем классом отправились в поход, на развалины кирпичного завода. Помню очень красивую осеннюю природу. Расположились на отдых. Не знаю почему, но мама мне дала не вареные яйца, а сырые. Думала, что мы готовить что-то будем там, в лесу? Она часто бывала непрактичной. Учительница начала возмущаться, а потом сказала:

— Вот какие яйца принесла, такие и ешь!

Я как-то их съела, через слёзы, с отвращением. Жуть... С тех пор ни за что не ем сырые яйца.

Так что особой любви учительница во мне не вызывала.

Было фото нас, первоклассников. Стоим, человек десять, с долговязой учительницей, и практически все ученики, кроме меня, лысые. Почти все – дети тофов, тофаларов. Избавляя от вшей, мальчиков и девочек стригли налысо.

У меня оставались волосы, на которых красовались два больших банта. Может быть поэтому на последнем звонке меня, первоклашку, нёс на плече старшеклассник, а я звонила в колокольчик, тоже с бантиком.

Я окончила первый класс, и летом мы уезжали из Алыгджера, сказки моего детства. Он долго снился мне потом. Да и сейчас, мне кажется, я без труда найду дорогу. От аэродрома по тропинке, через берёзовый лесок, по мостику, по песчаной дороге мимо бани на взгорок, к нашему дому. Где все, как прежде: простенькие шторы, домотканые половики, шкаф с книгами и наши с Ленкой игрушки, в коробке, в углу.

Воспоминания об Алыгджере – самые-самые светлые. Когда я думаю об умершей маме, то вспоминается почему-то алыгджерский луг, пестреющий цветами, и горный водопад. Кусочек рая на земле.

Жимбира

Летом 1971 года наша семья вернулась из Иркутской области в Читинскую. Я перешла во второй класс. Отец получил назначение: Карымский район, село Жимбира, восьмилетняя школа.

Слово «Жимбира» бурятское, значений несколько. Кто-то связывает его с названием рыжего зверька-грызуна, полевого суслика, которого тут называют жумбурка, жимбура. Но я в школе исследовала этот вопрос, и у меня своя версия. Иной перевод слова – «золотой песок». Действительно, совсем рядом был Васильевский золотой прииск, где раньше мыли золото.

Село наискосок разрезано трассой, по которой летят машины. Вернее, летят они по направлению Агинск-Чита, а наоборот – тянутся в гору.

Когда едешь со стороны Читы – леса почти нет. Низкие пологие сопки, открытые пространства. А вот сразу за Жимбирой – леса. Светлые, просторные. Берёзовые и сосновые. Очень любили мы эти берёзовые колки, сосновый лес.

Если ехать из Читы, то при въезде в село слева с трассы уходит вбок длинная улица. Справа – другая, покороче. Чуть дальше тянутся две параллельные трассе улицы. Одна повторяет линию трассы, другая расположена за сырым логом, за речушкой Дулюнкой.

Улицы длинные, песчаные, на велосипеде хорошо ездить только после дождя – песок становится твёрдым. Мы жили на улице, что шла вдоль трассы. И школа была там же.

Оказалось, что в селе много татар, у них и кладбище своё было, на котором покойников, рассказывали, хоронили в яме в сидячем положении. У них очень была развиты ворожба. Я тогда не имела об этом ни малейшего представления. Но инстинктивно сторонилась бабушек в необычно повязанных платках. Они накидывали платок на голову и завязывали верхние концы под подбородком. Не складывали платок треугольником.

Жили в школе

Поначалу, на лето, семью нашу из пяти человек поселили в классе начальной школы. Мы с сестрой бродили по коридорам, рассматривали классы. Мне до сих пор снится эта маленькая школа. В ней было всего несколько комнат. За окнами темнел таинственный сад, и ночью страшно было туда смотреть.

В одном из классов отец разобрал вещи. Он привёз чучела с собой. Например, голову горного козла архара, у которого снимались блестящие витые рога, а под ними были ещё небольшие рожки. Голову северного оленя. Рога, с которых со временем облез пушок, папа раскрашивал масляными красками, разложив их на столе. Я вертелась рядом и во

все глаза наблюдала за процессом.

С сестрой мы играли во дворе, обнаружили странную бочку с квадратной дырой на боку и превратили её в домик.

В школьной просторной ограде много чего можно было исследовать. На южной стороне школьной ограды был невысокий холм, на котором располагался школьный сад, обнесённый высоким забором. Под холмом — основная школа, которая казалась мне огромной, длинная, деревянная, с синими окнами. На горе ещё был домик-мастерская, где позже проходили уроки труда, и мы работали на столярных станках. При входе на территорию школы притулился домик-колодец.

В домишке этом, совершенно сказочном, закопчённом, пахнущем баней, была печь и настоящий колодец с воротом, ведром на железной цепи. Под крышкой, в глубине, была глухая вода.

На другой стороне двора, за школой, были дощатые белёные туалеты. В стенах — щели, на полу огромные дыры.

За туалетами шли ряды поленницы, школа отапливалась дровами. Далее в широкой траншее было настоящее бомбоубежище. Глухое, длинное, с нарами. Но туда страшно было заходить — взрослые ли, дети ли, превратили его в туалет, запах стоял ужасный.

Брылёвский дом

Дом для директора школы ещё строился, и нас поселили в крохотном домишке, недалеко от автобусной остановки. Мы с сестрой тут же отправились исследовать кладовки, сарайчики. В дощатом сарае на улице отыскалась волшебная вещь. Это был длинный брусок прозрачного пластика, зеленоватого. Если смотреть с торца, то виделся длинный коридор со светящимися стенками. Меня эта находка завороживала. Словно там, в коридоре, обитали волшебные существа, или это был длинный бальный зал.

В кладовке была старинная прялка, большие бутылки. Нашли подшивки журналов «Крокодил» и «Мурзилка». Я не могла от них оторваться, а сестрёнка просила почитать. Я не откликалась, и очень её этим огорчала.

А мама нашла в кладовке банку с коричневым вязким веществом. Принесла папе:

— Не пойму, повидло, что ли?

Он в шутку:

— А ты лизни.

Она и вправду лизнула.

— Тьфу, солидол!

Смеялись все.

В баньке обнаружили деревянные кадушки, деревянный ковш! За баней был плетень из ивняка, который давно пу-

стил корни, зазеленел и превратился в живую изгородь. В садочке росли кусты смородины.



На фото: отец в Жимбире с крольчатами.

В доме была только одна комната, и стояла перегородка, отделяющая кухоньку от спальни. Стояла большая печь, её можно было обойти, и даже бегать вокруг неё. В кухне, в полу была вырезана крышка, под ней – глубокий подпол. Лена упала туда однажды, порезала колено об осколки банки, и шрам остался на всю жизнь.

Родители быстро обзавелись хозяйством. Отец построил клетки и поселил крольчат. Они бегали в школьном саду, там он их и поймал.

Позже папа летал в гости к сестре в Алма-Ату, и оттуда привёз жёлто-чёрных щеглов в маленькой клетке и двух породистых крольчат-великанов. Вместе с местными, кролики дали огромный приплод. Для птичек отец соорудил просторную прямоугольную клетку. Низ из фанеры, верх – из проволоки. Щеглы пели мелодично. Кормили мы их семенами конопли и подсолнечника. Много лет спустя я в Подмосковье услышала знакомое пение, потом в цветущей яблоне разглядела знакомых милых птичек. Словно привет из детства.

Папа купил мотоцикл без коляски и пристроил в один из сарайчиков. Приобрели родители и телевизор. Он был черно-белый, вернее, сине-белое было изображение. Которое часенъко рябило, ветер тревожил антенну на крыше.

Как мы ждали, когда начнётся передача «За Байкалом», после которой были «Спокойной ночи, малыши»! Самое любимое было, конечно, «В гостях у сказки», смотрели фильмы всякие.

Я знаю, что родителям мы не доставляли хлопот. Сами себя занимали, трудились по дому. Есть снимок, где я развешиваю бельё в садочке.

Большая бабка

Рядом с нашим был дом одинокой бабушки, высокой, крупной, все мы про себя называли «большой бабкой». Она ходила с трудом, но всё-таки садила, а потом выкапывала картошку, ползая на коленках.

Она иногда выходила за калитку, вылавливала нас, ребятню, и, вручив копейки, просила купить хлеба. Мы бегали в магазин на соседней улице, покупали для неё душистые, ароматные кирпичи белого пшеничного хлеба с поджаристой корочкой.

Мы иногда заходили к ней домой. Там всегда было сумрачно, пахло странно. Какими-то лекарствами, травой, чем-то остро-горьким, неприятным. При входе стояла кровать с высокими металлическими спинками, с шишечками.

Когда мы переехали в новый дом, узнали, что она умерла. Покончила с собой, привязав полотенце к спинке кровати, обвязала горло и упала на пол. Такая жуть. Очень мне её было жаль.

Собака покусала

С детьми по соседству мы играли в разные игры. Мальчишки учили меня ездить на велосипеде. Было нестрашно, пока кто-то бежал сзади и держался рукой за багажник. А однажды я обнаружила, что еду одна, никто меня не держит. Испугалась и свалилась с велосипедом в придорожную траву. Но ездить научилась всё-таки, и потом летали на велосипеде с сестрой по селу, ездили в лес за травой и ветками для кроликов.

Однажды бегали, с писками и визгами по улице. И вдруг из проулка выскочила чёрно-рыжая собака, молча догнала и вцепилась в ногу, повисла у меня на бедре. Сначала не было больно, я закричала от страха. Выскочил отец, собаку прогнал, принёс меня домой на руках, обработал раны. Кровь не бежала по ноге, только стояла в укусах-ямках. Отметины остались навсегда, как и шрам у Лены на коленке, от падения в подполье.

Нападение мальчишек

Недалеко от нашего дома жила семья с двумя мальчишками-братьями, примерно нашего с сестрой возраста. Семья, надо сказать, страшно неблагополучная. Глава семейства на-

силовал мать на глазах у детей. Поэтому понятия нормы в головах их были явно сдвинуты. Недалеко был дом ещё одного мальчика. И вот эта троица задумала нехорошее. Они попробовали изнасиловать нас с сестрой.

Мне, повторюсь, было почти восемь лет, Лене не было семи. Сначала мальчик заманил меня на дальний двор, якобы на чердаке есть книжки и журналы с картинками. Я заметила, что он был не такой, как обычно. Когда поняла, что никаких книжек не будет, попыталась убежать. Он стоял в дверях, ведущих в ограду, спустил штаны. Я, конечно, давно знала, чем девочки отличаются от мальчиков, младшего братика каждый день в ванночке купали. Но тут поняла, что это неправильно, это очень стыдно. Кое-как отшвырнула мальчишку от калитки в ближний двор и, потрясённая, убежала домой.

Сестру они уже втроем заманили в избушку во дворе дома, повалили на кровать. Но она в ужасе распинала и раскидала их всех, вырвалась и тоже спаслась.

Мы с сестрой пережили настоящий шок. Нам обоим было нестерпимо стыдно. Мы чувствовали вину, не зная за что. Из-за этого мы ничего не сказали родителям.

Этот случай стал нашей страшной тайной. Он тёмным облаком лёг на наши детские души. Произвёл в них неведомые изменения. Мир перестал быть безопасным, angelским. Детство закончилось. Мы уже не могли больше легко и беззаботно играть с этими мальчиками, старались не вы-

ходить на улицу, играли во дворе.

Много новых страхов появилось в наших душах. Мы обе стали подозрительными и осторожными. Слава Богу, что вскоре наша семья переехала в новый дом. На этой же улице, но довольно далеко от наших диких соседей.

Кстати, все трое погибли очень рано, лютой смертью. Один замёрз, по пьянке, на конце огорода. Второй умер в тюрьме.

Третий тоже погиб, и потом всю ночь, казалось мне, стоял, чёрный, над моей головой. Может быть и правда был рядом, просил прощения и молитв. Упокой, Господи, его душу!

Игры в песке

Мы часто навевались в новый строящийся дом на другом конце улицы. Родители что-то делали, а мы, дети, облюбовали огромную кучу жёлто-охристого песка, что высилась у крыльца. Нам разрешали в ней возиться. Мы там прокладывали дороги, выкапывали домики, пристраивая стёклышки вместо окон и двери из коры. До сих пор помню удовольствие от игры на этой песчаной горке.

Арбуз

Мы к тому времени уже жили в новом доме. Мама с папой

работали в школе. Я пошла во второй класс. Новый класс, новая учительница.

Во втором классе впервые получила двойку. Я была ни особо умненькой, ни тупенькой. Помню, надо было решить задачку о количестве стульев в кинозале. Недолго думая, нарисовала эти кресла рядами в виде квадратиков и сосчитала. Всё.

Будь я на месте нашей учительницы, похвалила бы дитя за креатив, и, на примере этого рисунка, объяснила бы, как моё решение перевести в цифры и решить задачу. Но Вместо этого заработала страшную оценку и поплелась домой, в тоске и печали.

Дома восхитительно пахло арбузом. Который я не попробовала. Нет, меня никто не наказывал. Наказала себя сама!

— Я недостойна есть этот арбуз, — сказала семье за столом, — я получила два.

Никто меня не спросил, за что, никто не усадил за стол, не разрешил от самонаказания, не вручил «незаслуженный» кусок, сочный и необыкновенно вкусный, от того, что я его не попробовала. И я запомнила этот случай на всю жизнь.

Позже я стала более осторожной с «самонаказаниями». А потом научилась врать, чтобы не лишиться чего-то вкусного, включая доброе отношение ко мне. До сих пор избавляюсь от желания приукрасить, исказить факты. Давно не мучаю себя за неудачи. И слишком мягка к ученикам, слишком. Поэтому и в школе проработала недолго. Дисциплину-то никто

не отменял.

Новый дом

Мы переехали в новый дом, он делился на две половины. В одной была просторная кухня и маленькая комнатка. Другую половину занимала одна большая комната, мы называли её «зал».

Дом был с недоделками, и несколько лет мама с папой достраивали его. Они вынуждены были менять фундамент, поднимая огромными лагами, методом рычага, один угол за другим. Пришлось сражаться с грибком, расплотившимся огромными пенистыми хлопьями в подполье. Нужно было достраивать веранду и кладовую.



На фото: Жимбира, новый дом.



На фото: наша улица.

Подполье от бело-серо-желто-розового грибка чистили не раз. Нарастали шляпы, многорядные, сверху матовые, снизу пластинчатые, с кисловатым запахом. Гриб любил селиться на сырых щепках, которые строители оставили под досками пола в изобилии. Отец много раз вскрывал половицы, они с мамой наполняли детскую ванночку узорчатыми шляпами, уносили на помойку. Отец все стены в подполье и половицы снизу промазал солидолом. Совсем избавились от напасти, когда как следует очистили пространство под полом от мусора, щепок и стружек, заменили деревянные чурбачки на столбики из кирпичей с рубероидом.

Вид зияющих дыр в полу со страхом споткнуться и свалиться в «преисподнюю» так запомнился, что похожие сюжеты сняты до сих пор!

Крыши

Однажды за воротами заревел трактор. Отец с какими-то людьми разобрал забор, и гусеничный трактор втащил в ограду длинный бревенчатый домик. Он был разделён на две половины. В одной сделали баньку, поставив печь с баком для воды. Во второй тоже была небольшая печь с плитой, там готовили еду собакам и курам. В деревнях Забайкалья такие помещения называют «тепляками». Папа построил нары, даже спать можно было, и сколотил столик у окна. В тёплое время года в этой половине домика у нас была летняя кухня. Зимой жил телёнок, если его угораздило родиться в морозы. Когда подрастал, его транспортировали в стайку, поближе к корове. На крышу бани и тепляка мы не любили залазить. Там было тесно и пыльно. Рядами висели берёзовые веники.

Кроме дома с большой верандой и большого сарая, где стояли клетки с кроликами, были дощатый гараж с мотоциклом и бревенчатая стайка. В стайке, с перегородками, жила корова с телёнком, обитали куры. На крыше стайки был сеновал. Место наших игр. И впритык к сеновалу был большой навес, деревянный, покрытый чёрным рубероидом. Это была наклонная крыша, по которой мы лазили, любили на ней

сидеть, и даже учились прыгать вниз, преодолевая страх.

Однажды после грозы сидела на крыше навеса, и вдруг небо окрасилось в фантастические цвета: персиковые, розовые, лиловые. Это было так прекрасно и необычно, что на всю жизнь запомнилось.



На фото: Паша, я и Лена.

Любили мы забираться на дом. Сначала с лавочки на заборчик, с него на веранду, покрытую шифером. Если распахнуть деревянную дверцу и заглянуть, то открывалось огромное тёмное пространство под островерхой крышей дома. Посередине стояла толстая труба. С другой стороны – доски, щелястые, сквозь которые проникали лучики света. Если

пройти, то под ногами шуршали камешки керамзита.

Мы сидели на брёвнышке-порожке чердачной дверцы и считали машины, которые вдалеке пролетали по трассе. Особенно интересно было считать красные машинки, они редко проезжали.

Банька

Я уже рассказывала, что родители купили и привезли на санях длинный бревенчатый домик. В нём было две половины. В одной устроили избушку-тепляк, с печью. Там в разное время был зимний курятник, мастерская отца, хранили картошку, жил телёнок. Во второй половине устроили баньку. На печь пристроили железную бочку, уложив на бок. Там грели воду. В баньке были полки, в углу стояла стиральная машинка. И однажды эта баня чуть не погубила меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.